

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНИЯ И ЕЕ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ

Мне давно хотелось побывать на нашем Севере, чтобы составить себе понятие о его населении, которое до сих пор живет в эпохе первобытной борьбы с невзгодами враждебной природы. В особенности манило меня в Олонецкую губернию желание послушать хоть одного из тех замечательных рапсодов, каких здесь нашел П. Н. Рыбников. Сам Пав. Ник поощрял меня к поездке в этот край, подав надежду, что она может быть не бесполезна и после его работ; он с величайшею обязательностью сообщил мне практические советы, извлеченные из опыта десятилетнего пребывания в Олонецкой губернии. Имея перед собою два свободных месяца нынешним летом, я расположил свою поездку так, чтобы посетить местности, которые были мне указаны г. Рыбниковым как пребывание лучших «сказителей», именно: Сенную Губу и Кижь на южной оконечности Заонежского полуострова, Толвуй на его северной стороне, Пудожское побережье на северо-восточном берегу Онежского озера, Кенозеро в северо-восточном углу Пудожского и так называемую Мошенскую сторону в северо-восточном углу Каргопольского уезда. Кроме того, предварительно переезда в Сенную Губу, я из Петрозаводска заглянул в Горский погост и Мелую Губу; потом из Толвуя переехал

29

в Повенец и оттуда сделал экскурсию через Масельгу на Выгозеро и в Данилов; а на Кенозеро поехал не прямым путем из Пудожа, а через Сумозеро и Волдозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую из Петрозаводска 30-го июня, я окончил в Вельске 27-го августа.

Я изложу с некоторою подробностью результаты моей поездки по отношению к предмету, который меня занимал специально, именно — народной эпической поэзии; но как Олонецкая губерния и особенно северо-восточная ее часть вообще мало известна, то предпошлю этим специальным замечаниям несколько слов, чтобы сказать общее впечатление, какое этот край произвел на меня. Общее впечатление — и тяжелое и вместе отрадное. Отрадно видеть северо-русского крестьянина этой местности (других не знаю и о них не говорю), отрадно видеть его самого по себе; тяжело видеть обстановку, в которую он поставлен природою, еще тяжелее — ту, в которой держит его масса сложившихся и наслоившихся недоразумений. Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал; он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти. Самый бедный крестьянин, у которого хлеба недостает на пропитание, и тот принимает плату за оказанное одолжение, иногда сопряженное с тяжелым трудом и потерей времени, как нечто такое, чего он не ждал и не требует. Он садится в лодку гребцом, работает веслом часов 15 кряду, не теряя до конца хорошего расположения духа и своей прирожденной шутливости. Приученный большинством местного чиновничества к крайне бесцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращению, он относится к этому с изумительным добродушием и не обнаруживает ни тени недоверия и неприязни к нашему брату, человеку привилегированного класса, хотя ему доводится иметь дело только с самыми непривлекательными его экземплярами. При первом признаке человеческого с ним обхождения он так сказать расцветает, делается дружелюбным и готов оказать вам всякую услугу, но между тем никогда не впадает в тот тяжелый тон грубой, бестактной фамильярности, от которого не всегда может удержаться простолюдин на Западе, когда с ним

захочет сблизиться человек из более образованного слоя общества. Что касается материальной обстановки северно-русского крестьянина и его экономического быта, то для суждения о том потребовались бы совсем другие исследования, чем те, каким я посвятил свое время в эту поездку. Ограничусь только самыми общими замечаниями. Материальная обстановка северно-русского крестьянина несколько сносна у Онежского озера, потому что тут он располагает обширным водоемом, который находится в прямой связи с Петербургским портом; но дальше к северу и востоку вы видите только лес, лес и болото и опять лес; озера, разбросанные в этом крае, служат только для сообщения между деревнями, их окружающими. Климат такой, что здесь природа отказывает в том, без чего нам трудно себе представить жизнь русского человека; у него нет ни капусты, ни гречи, ни огурцов, ни луку; овес, разными способами приготавливаемый, составляет существеннейшую часть пищи. Отсутствует и другая принадлежность русского народа — телега. Телега не может пройти по тамошним болотистым дорогам. Она появляется только 35 верст южнее Кенозера, в Ошевенской волости, с которой начинается более сухая и плодородная часть Каргопольского уезда. Севернее, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возят, что нужно и летом на санях (дровнях) или же на волоках, т. е. оглоблях, которые передними концами прикреплены к хомуту, а задними волочатся по земле; к ним приделана поперечная доска, к которой привязывается кладь. Когда же нужно ехать человеку, он отправляется верхом там, где не может пользоваться водяным сообщением. Для своза хлеба с ближайших к деревням полей есть кое-где двухколесные таратайки, с неуклюже сколоченными, скорее многоугольными, чем круглыми. Деревянными без железных шин колесами, таратайки, перед которыми здешние чухонские кажутся усовершенствованным экипажем.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелого труда требует от человека эта северная природа. Главные и единственно прибыльные работы — распахиwanie «нив», т. е. полян, расчищаемых из-под лесу и через три года забрасываемых, и рыбная ловля в осеннее время — сопряжены с невероят-

ными физическими усилиями. Но, чтобы существовать, крестьянин должен соединять с этим и всевозможные другие заработки: потому никто не ограничивается одним хлебопашеством и рыболовством; кто занимается в свободное время каким-нибудь деревенским ремеслом, кто идет в извоз к Белому морю зимою, а летом в бурлаки на канал, кто «полёсует», т. е. стреляет и ловит дичь и т. д. Женщины и девушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянин этих мест рад и доволен, если совокупными усилиями семьи он, по тамошнему выражению, «огорюет» как-нибудь подати и не умрет с голоду. Это — народ-труженик в полном смысле слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсеместно и видеть несомненные признаки, что тамошний народ беднеет, что положение его ухудшилось в последнее время против прежнего. Это — благодаря нашей братье бюрократам. Кому-то из них пришло в голову, что интерес казны требует охранения лесов нашего Севера от крестьян, которые распахиывают в них свои «нивы». Подсечное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что без него там жить нельзя; что только свежая лесная земля дает в этом климате урожай, окупающий труд; что распахиываются

только такие места, на которых растет мелкий березовый и ольховый лес, никуда не годный, а ценного лесу не трогают, по той простой причине, что земля, на которой растет сосна и лиственница, под посев не годится; что наконец полянки, которые крестьяне в силах распахать, составляют самую микроскопическую величину в бесконечности тамошних «суземков» — поросших лесом безлюдных пространств, разделяющих поселения на нашем Севере. Нет, казенный интерес превыше всего, а казенный интерес требует-мол охранения лесов! И вот крестьянские расчистки были обставлены такими стеснениями, что, при добросовестном и «неусыпном» исполнении на месте предписаний, население целых волостей вдруг лишалось главного средства пропитания, и крестьяне благословляли судьбу там, где исполнитель позволял себя усыплять.

Это — одно из проявлений бюрократической опеки на нашей Севере. Но есть проявление более общее и также неотрадное,

32

хотя оно не так ощутительно в материальном отношении. Известно, что все крестьяне северных уездов Олонецкой губернии принадлежат к разряду крестьян государственных. Какие были их внутренние распоряжки в прежние времена — не знаю; но, со времени учреждения министерства государственных имуществ, они попали под непосредственную чиновничью опеку. Хотя им доставлялись все формы выборного общественного самоуправления, но в сущности вся власть передана была в руки окружного начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаний. Это до такой степени отучило тамошних крестьян от серьезного отношения к своему общественному управлению, что и в настоящее время, когда опека снята, они слишком недоверчиво смотрят на данные им права, считают мирового посредника таким же начальником, каким был окружной, и неохотно идут на общественные должности, видя в них одни только хлопоты и ответственность. По всей вероятности, пройдет целое поколение, пока изгладится этот мертвящий след прежней чиновничьей опеки.

Но где следы бюрократических «мероприятий» производят потрясающее впечатление, это — в северной части Повенецкого уезда, около Выгозера! Едва ли есть страна, где жизнь горчее для человека: ибо земля почти отказывает ему в вознаграждении за ее обработку, хлеб то и дело вымерзает, рыбы немного и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лес некуда, звериный промысел недостаточен, чтобы кормить население, слишком для этого густое. Словом, здесь нужно бесконечное, безысходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утешение человеку при такой жизни? Одно единственное — религия, и действительно: народ здесь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы приезжаете в село и среди опрятных, красивых его изб вас поражает вид какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, вас провожающие, благоговейно снимают шапки и крестятся. — «Что это такое за развалина?» — «Да это была наша часовня, а лет двадцать тому назад пришел из Питера приказ, да приезжал из губернии чиновник, вывез наши образа, запечатал в часовню, снял с нее крест и запретил нам до нее дотронуться.

33

Так она и стоит вот уж двадцать лет и скоро совсем развалится». — «А где же теперь бывает у вас богослужение?» — «Да нигде, батюшко, потому нам всякое „оказательство“ запрещено». Другой крестьянин — православный —

поясняет, что в этом селе живут все раскольники и начальство строго смотрит, чтобы не было у них богослужения. И это не в одном месте, а то же самое почти в каждом селе: везде разваливающиеся часовни, запечатанные по распоряжениям из Петербурга; кладбища с заколоченными воротами, в которые строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь из раскольников не отважился служить заупокойную службу по родителям; везде это доброе, приветливое, кроткое население тружеников выгозеров лишено утешения религии! И всего курьезнее, что это делается не из какого-нибудь фанатизма к православию, а просто так, по канцелярской рутине.

Со мной ехал русский простолюдин, петербургский житель. Когда мы проехали первые раскольничьи селения, он вдруг сделал мне такой наивный вопрос: — «Скажите, отчего это у нас в Петербурге позволяют и католикам и лютеранам иметь свои церкви на Невском проспекте и позволяют жидам и мусульманам служить по своей вере, а здесь так стесняют наших русских мужичков в их вере? Ведь они, как мы, веруют в господу Иисуса Христа, а не то что жида, которые Христа проклинаят; у них те же святые и те же молитвы, как у нас, а не то что у лютеран и католиков, а их так стесняют, что даже покойника не дают отпеть и в самый большой праздник не позволяют служить!».

Признаюсь, я не нашел ответа. Нашел ли бы что отвечать кто-либо из моих благосклонных читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлениями и перехожу к тому, что меня преимущественно занимало в Олонецком крае, именно — к остаткам народной эпической поэзии. Побывавши в Олонецкой губернии, особенно в северной и восточной ее частях, легко уяснить себе причины, по которым могла сохраниться здесь в народной памяти эпическая поэзия, давно исчезнувшая в других местах России. Этих причин две, и необходимо было их совместное действие; эти причины — *свобода и глушь*.

34

Народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях. Напротив того, что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствовавшему себя рабом?

В то же время свободный крестьянин Заонежья жил в глуши, которая охраняла его от влияний, разлагающих и убивающих первобытную эпическую поэзию: к нему не проникали ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, так что даже в настоящее время грамотный человек между крестьянами этого края есть весьма редкое исключение. Таким образом, здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное. Верность старине такова, что она препятствует даже таким нововведениям, которых польза очевидна и которые приняты во всей России. Так, напр., сено косят не косами, а горбушами, не только там, где это может быть удобно, т. е. между деревьями и по кочкам, а на самых гладких и хороших лугах, хотя косьба горбушами требует вдвое больше напряжения и времени. Из крестьян более развитые сами признают это, но говорят, что ничего не поделаешь: «наши деды и отцы косили горбушею», это довод, против которого заонежский крестьянин не принимает возражения. Тот же отцовский и дедовский обычай поддерживает изнурительное для лошади употребление дровней летом даже в таких местах, где можно бы пользоваться телегою. Как было при отцах и дедах, так должно оставаться и теперь: понятно,

какое это благоприятное условие для сохранения древних преданий и былин. В то же время вся совокупность условий, в которых живет этот народ, устраняет от него все, что могло бы ослабить в нем наивность дедовских верований. Без веры в чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзия. Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско, — эпическая поэзия в нем убита. А множество признаков убедили меня, что

35

северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, — безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются. Мне очень памятен переезд с Сумозера на Водлозеро; меня сопровождал известный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокин и от скуки затянул длинную былинку про сорок калик с каликою. Между ним и мною ехал хозяин лошади, которая шла подо мною, и он, никогда не слышав этой былины, постоянно сопровождал ее своими замечаниями. — «Ах она мерзкая баба», — повторил он несколько раз, слушая, как княгиня Опраксия соблазняла каличьего атамана сотворить с нею грех. — «Эка, брат, беда пришла!» — воскликнул он, когда у атамана в подсумке оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповеди великой,
А как вы секите мне ноги резвыи,
А и рубите-тко руки белыи,
А и со лба-то копайте очи ясныи,
А и тяните-ко язык мне-ка со темени,
А и копайте как по грудям во матушку сыру-землю.

— «Вот чудесно, право!» — было его заключение, когда певец пропел о том, как приходил Микола Можайский:

А ему вложил да ноги резвыи,
А вложил да руки белыи,
А положил ему да очи ясныи,
Положил язык во темя ведь,
А и положил как здыханье во белую грудь.

Словом, мой провожатый слушал всю эту былинку с такою же верою в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событии вчерашнего дня, правда, необыкновенном и удивительном, но тем не менее вполне достоверном. То же самое наблюдение мне пришлось делать много раз. Иногда сам певец былины, когда заставишь петь ее с расстановкою, необходимою для записыванья, вставляет между стихами свои комментарии, и комментарии эти свидетельствуют, что он вполне живет мыслию в том мире, который воспекает.

36

Так напр., Никифор Прохоров сопровождал события, описываемые им в былинке о Михаиле Потыке, такими замечаниями: «каково, братцы, три месяца прожить в земле!», или, «вишь поганая змея, выдумала еще хитрить», или «вот,

подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь из грамотеев заявляется сомнение, действительно ли все было так как поется в былине, рапсод объясняет дело весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не такие, как теперь». Только от двух сказителей я слышал выражение некоторого неверия; и тот и другой не только грамотные, но и начетчики, один перешедший из раскола в единоверие, другой недавно «остароверившийся». И тот и другой говорили мне, что им трудно верится, будто богатыри действительно имели такую силу, какая им приписывается в былинах, будто, напр., Илья Муромец мог побить сразу 40 тысяч разбойников, но что они поют так, потому что так слышали от отца. Но эти скептики составляют самые редкие исключения.

Огромное большинство живет еще вполне под господством эпического мирозерцания. Потому неудивительно, что в некоторых местах этого края эпическая поэзия и теперь ключом бьет.

Я никак не ожидал найти в этом отношении такой богатой жатвы. Имея в виду, что сборник г. Рыбникова был плодом многолетнего пребывания в крае, я, располагавший только двумя месяцами, вовсе не рассчитывал вначале на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотел только удовлетворить личному любопытству знакомством с несколькими сказителями. Между тем счастливый случай скоро заставил меня из туриста превратиться в собирателя. В Петрозаводске указали мне слепого старика-крестьянина, приехавшего туда для закупок. Он сначала неохотно сознался, что знает кое-какие «старины», но как собирался ехать домой в ту же сторону, куда лежал путь и мне, то согласился сесть в мою лодку. Дорогой я упросил его сказать свои старины, старик Иев Еремеев запел превосходную былинку про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Цирцеи, Маринки:

37

Она стала-то Добрынюшку обвертывати:
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрыню да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнедым туром:
Рожки у тура да в золоти,
Ножки у тура да в серебри,
Шерсть на тура да рыжа бархату.

Мне не приходилось читать столь полного и архаического пересказа этой былины, и впечатление, под которым я находился, усилилось еще более, когда я тут же, из разговора Иева Еремеева с другими крестьянами узнал, что он — завзятый раскольник.

Между тем, руководствуясь сборником г. Рыбникова и объяснением его,^a я

^aСм. «Заметку» его, т. III, стр. IX: «Шунгские туземцы смотрели на старину не совсем доброжелательно. Их занимала только религиозная старина, и тут у меня подтвердилось замечание, сделанное мною еще в Черниговской губернии: где сильно развивается старообрядчество, там народ интересуется памятниками поэзии и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религиозной области и насколько они поддерживаются обычаем, возымевшим силу с XVII века. К мирским песням ревностные староверы большею частию относятся еще с тем настроением, которое вызвало в аскетах древней Руси такого рода запрещение: „песней сатанинских не пети и мирских людей не соблазнять“. Потому в Повенецком уезде слышно едва-едва про двух-трех сказителей».

был уверен, что у раскольников нельзя найти никаких остатков народного эпоса, и думал, что посещение мест, где преобладает старообрядчество, было бы для меня потерей времени. Явно языческая былина, пропетая человеком, известным своими раскольничьими убеждениями, совершенно меняла эти предположения, отчасти даже самый план путешествия. Я стал подозревать (а потом вполне убедился), что г. Рыбников не мог найти ничего у старообрядцев по своему личному положению, как член местной губернской администрации, но что в действительности былины поются и раскольниками. Вместо того, чтобы избегать мест, населенных староверами, я решился побывать в самом центре этого населения, на Выгозере. Программа на случай встречи с старообрядцами была у меня готовая: обходиться с ними вежливо, не употре-

38

блять выражений, оскорбительных для их религиозного чувства, не вызывать религиозных споров, а когда зайдет речь о религии, относиться к их верованиям тем тоном уважения, которым принято в образованном обществе говорить с иноверием об его религиозных убеждениях. Программа кажется не хитрая, но, сколько мне удалось заметить, она была там до некоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программе что предвещения, мною слышанные, будто я встречу со стороны раскольников самый грубый прием и что они мне ничего не сообщат, нигде не сбывались. Разумеется, я не делал никаких щекотливых расспросов; но былины они везде охотно сказывали и позволяли записывать. В одном случае нельзя было даже ожидать такого доверия. Мне было известно имя одного крестьянина в Каргопольском уезде как отличного сказителя. Приехав в ту местность, где он живет, я хотел послать нарочного, чтобы пригласить его к себе. — «Это совершенно бесполезно, отвечал мне хозяин дома, где я остановился; деньги, которые вы заплатите гонцу (а нужно было ехать верст за 40 по очень дурной дороге верхом), пропадут даром. Этот человек недавно только, всего года три тому, остароверился (т. е. перешел из православия в раскол) и боится попасть за это под ответ; он ни за что не поедет к вам». Тем не менее я настоял на посылке гонца, который на другой день вернулся с весьма неопределенным ответом, «что, мол, подумает, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я так и знал, — говорит мой хозяин; — нет, он не приедет». — «А ежели я к нему поеду, то скажет ли он свои былины?» — «Конечно скажет, гостю ведь отказать нельзя». Я уже стал собираться в дорогу, как прискакал сам «остароверившийся» сказитель, который, действительно, своими былинами оправдал желание его послушать. Потом я узнал, что он по дороге заезжал к какой-то наставнице, которая тамошним раскольникам «за попа служит», и что она ему разрешила ехать сказывать старины.

Очень помогла мне в собирании былин и другая, тоже совершенно случайная встреча при самом начале моей поездки.

Еще на пароходе, везшем меня из Петербурга, найдя себе местечко на носовой палубе, я разговорился тут с некоторыми

39

крестьянами из Заонежья, расспросил их о сказителях, которые мне известны были по книге г. Рыбникова, и узнал между прочим, что об одном из этих сказителей, Абраме Евтихиеве, можно получить сведения в самом Петрозаводске, потому что там живет его сын. Старик оказался в гостях у сына, и уже в самый день моего приезда я имел удовольствие услышать его прекрасные былины. Мы с ним сошлись так, что он охотно согласился

сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и был мне весьма полезен. Будучи по ремеслу крестьянским портным, он всю осень и зиму ходит по деревням Заонежья, останавливаясь там, где нужна его работа. Таким образом у него есть знакомые во всех углах этого края, и благодаря ему легко устранялось недоверие, с каким крестьяне обыкновенно смотрят на приезжего из Петербурга. Я старался останавливаться в таких селениях, где можно было рассчитывать наверно услышать былины; а пока я их там записывал, Абрам Евтихийев, бывало, пойдет по окрестности, иногда далеко, верст за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», как он выражался; удостоверенные им, что они будут вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщать свои былины; потом слух о вознаграждении приводил и таких, про которых мы не знали. Случалось так, что иным приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тем как я записывал былины до полного физического утомления. Таким образом в короткое время двух месяцев удалось найти 70 человек, мужчин и женщин, знающих былины. Я должен прибавить, что в этом числе 16 человек^b известны были частью лично, частью через посредство других г. Рыбникову, что за сим 5 человек,^c

40

от которых у него записаны былины, с того времени умерли, и что наконец 7 человек, упоминаемых в его сборнике, либо остались в стороне от моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомстве с певцами и певицами былин я старался обращать внимание на личные обстоятельства каждого, чтобы уяснить себе влияние личности сказителя на характер самых рапсодий; в составляемом мною сборнике читатели найдут биографические сведения о каждом сказителе и сказительнице. Здесь позволю себе привести некоторые общие замечания, основанные на знакомстве с этими 70-ю личностями.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что былины сохранились только в среде крестьян; я упомяну ниже об единственном встреченном мною исключении, которое впрочем имеет совершенно случайный характер. Мне указывали на какого-то пономаря, а в другом месте на дьячка, которые будто бы знают «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» от одного из так называемых «обельных вотчинников» в Чолмужах. Но оказалось, что пономарь рассказывает только какие-то сказки, что дьячок есть повествователь анекдотов, а обельный вотчинник в Чолмужах знает наизусть жалованную грамоту царя Михаила-Федоровича его предку.

Во-вторых: почти все наши рапсоды неграмотные. Я встретил только пятерых грамотных между 70-ю певцами и певицами былин (Василий Акимов, Андрей Сарафанов, Иван Касьянов в Кижском крае, Иван Кропачев на Кенозере и Николай Швецов на Моше).

В-третьих: былины поются православными и староверами совершенно одинаково, без малейшего признака изменения их у последних под влиянием их религиозных идей.

^b Рябинин, Кузьма Романов, Прохоров, Паромский старик (т. е. Иван Сивцев), Бутылка (т. е. Абрам Евтихийев), Сорокин, Федотов (т. е. Дутиков), Иевлев, Потахин (т. е. Потап Антонов), Щеголёнок, Корнилов, Сарафанов, Никитин, Михаиле Богданов (т. е. Михаиле Иванов), Лукин и слепой Иван (т. е. Иван Фепонов). К этому числу следует прибавить еще упоминаемую в сборнике г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (т. е. Прасковью Гавриловну Юхову из дер. Ятовщины Кижской волости): она мне пела былины, но их уже так плохо помнила и так путала, что я с ее слов ничего не решился записать.

^c Леонтий Богданов, Трофим Романов, Василий Лазарев, Амосов и Савинов

В-четвертых: пение былин не развилось на нашем Севере в профессию, как было в древней Греции, в средние века на Западе и как мы видим в Малороссии, а остается делом домашнего досуга людей, которым память и голос позволяют усваивать себе «старины». Профессиональный характер имеет пение: духовных стихов, составляющее источник дохода для нищих-калик» на ярмарках и в храмовые праздники; но калики

41

почти не знают народных былин. Я встретил только одного такого певца по профессии (Ивана Фепопова, известного уже по сборнику г. Рыбникова под именем слепого Ивана), который соединяет с пением духовных стихов знание былин; но на последние он смотрит как на нечто второстепенное и постороннее для его профессии. Но зато почти все крестьяне и крестьянки, которые поют былины, сверх того знают и духовные стихи, особенно про Алексея-человека божия, Егория-храброго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше ценятся и чаще поются, чем народные былины.

Между сказителями, мною встреченными, только у одного можно было отчасти заметить, что он придает некоторым образом практическую цену знанию былин и считает себя как бы певцом былин по профессии; это известный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романов. Когда я приехал в его соседство ж послал пригласить его, то он отказался было итти, потому-де, что недавно перед этим какой-то барин заставил его пропеть несколько былин и дал ему за это всего 10 коп. Подобного меркантильного взгляда я решительно ни у кого другого из певцов былин не встречал; напротив, они обыкновенно удивлялись, что я платил деньги за былины, и один из замечательнейших сказителей, молодой парень на Выгозере, получив за то, что пропел мне несколько былин, больше, чем сколько мог бы в то же время заработать в поле, стал потом объявлять во всеуслышание, что отныне не будет пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станет заучивать, потому что теперь-де видит, что и это знание имеет свою цену. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взгляд на пение былин как на свою профессию образовался, как кажется, только в недавнее время, благодаря пользе, которую оно ему принесло: слепой и беспомощный старик, он, по милости г. Рыбникова, принявшего в нем участие, стал получать пожизненное пособие (по 6 руб. в год), а затем удостоился даже приглашения пропеть былины пред покойным цесаревичем, во время приезда его высочества в Олонецкую губернию: факт, который поднял Романова как певца былин неизмеримо высоко во мнении местных жителей и его собственном.

42

Читатель видит, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пению былин для Романова практическое значение; но, повторяю, этот случай единственный.

Затем весьма замечательно, что знание былин составляет как бы преимущество наиболее исправной части крестьянского населения. Исключения (кроме весьма немногих лиц, которых я застал случайно разоренными пожаром, либо продолжительными горячками) составляют только одни слепые (Кузьма Романов, Иван Фепонов, Семен Корнилов и Петр Прохоров), которые поставлены своим физическим недостатком в беспомощное положение; но, впрочем, и между слепыми сказителями я нашел человека, именно

вышеупомянутого Иева Еремеева, который, оставшись в детстве слепым и нищим сиротою, благодаря изумительной энергии и способностям, сам, своими трудами, создал себе порядочное хозяйство. Лучшие певцы былин известны в то же время как хорошие и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябини́на и Касья́нова в Кижях, Андре́я Тимофе́ева в Толвуи, Абра́ма Евтихи́ева и Петра Кали́нина на Пудожской Горе, Ники́фора Прохоро́ва в Купецком, Пота́па Анто́нова в Шале, Соро́кина на Сумозере, Ники́тина, Фе́дора Заха́рова и Алексе́я Висарио́нова на Выго́зере, Ива́на Заха́рова, лучшего сказителя и первого богача на Водл-озере, Ива́на Сивцо́ва Поро́мского, первого сказителя и одного из зажиточнейших крестьян на Кено́зере, кенозерских же сказителей Петра Вои́нова и Миха́ила Ива́нова, Никола́я Шве́цова на Моше и др. Повидимому былины укладываются только в таких головах, которые соединяют природный ум и память с порядочностью, необходимою и для практического успеха в жизни. Сколько раз мне говорили, что в такой-то деревне я найду такого-то нищего или такого-то кабацкого заседателя, который сумеет спеть разные «истории»: но нищие по профессии, как сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившиеся в кабаке мудрецы являлись с запасом песен, более или менее разгульных, и анекдотов, более или менее остроумных, ни один решительно не был эпическим рапсодом. Из крестьян, от которых можно услышать былины, многие вовсе не пьют

43

вина; известного же как пьяницу я между ними ни одного не встретил.

Расспрашивая этих крестьян про обстоятельства их жизни, я мог вывести заключение, что сохранению былин особенно благоприятствовали некоторые мастерства. Так, когда читатель будет просматривать сведения о сказителях, со слов которых мною записаны былины, он заметит, что многие из них, и именно те, которые больше других упомянули, либо сами занижаются портняжным, или сапожным ремеслом, или изготовлением рыболовных снастей, либо заимствовали былины от лиц, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не раз объясняли мне, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетенья сетей, приходит охота петь «старины», и они тогда легко усваиваются; напротив того, «крестьянство» (т. е. земледелие) и другие тяжелые работы не только не оставляют к тому времени, но заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певалось. Впрочем, читатель должен иметь в виду, что мастерства, о которых я говорю, отнюдь не составляют исключительного занятия кого-либо и певцов былин; каждый из них в то же время земледelec и летом работает по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные в свободное зимнее время занимаются мастерством, благоприятствующим сохранению эпических песен, тогда как занятия других, напр., звериный промысел, лесные работы, извозничество и т. п., не оставляют досуга для рапсодий.

Прежде, чем закончу эти общие замечания о наших народных рапсодах и перейду к более частным, остановлюсь на двух фактах, которые указывает г. Рыбников. Во-первых, у него говорится, что «у женщин есть свои бабы старины, которые поются ими с особенною любовью, а мужчинами не так-то охотно»; во-вторых, он представляет эпическую поэзию как нечто вымирающее: «у большинства сказителей, — говорит он, — вряд ли найдутся наследники, и через двадцать-тридцать лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины и в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих из сельского населения». Это вполне справедливо

относительно той местности, с которою г. Рыбников лично ознакомился, именно побережья Онежского озера; здесь, действительно, эпическая поэзия близка к вымиранию, былины поются существенно стариками, и этим старикам-сказителям, точно не видно преемников в молодом поколении; здесь, действительно, женщины редко знают другие былины, кроме как про Ставра, Ивана Гоудиновича и Чурилу Пленковича, которые, кажется, их интересуют тем, что в этих былинах главные действующие лица — женщины же. Но совершенно другое дело дальше к северу и востоку, на Выгозере, на Водлозере, на Кенозере. Там былевая поэзия живет столько же в старшем, сколько в молодом поколении; там незаметно также никакой разницы между предметами, о которых поют мужчины и женщины. В этом отношении особенно замечательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, в которое со всех сторон вдаются коленами мысы и «наволоки», так что, несмотря на его значительную величину, озеро имеет в каждой точке вид залива либо пролива, — прибрежья Кенозера составляют как бы отдельный, довольно хлебородный, усеянный деревнями оазис среди громадного пустыря болот и лесов, и в этом оазисе цветет в настоящее время эпическая поэзия. Крестьяне и крестьянки, поющие былины, насчитываются здесь десятками; поют былины старый и малый; вы здесь услышите один и тот же вариант от пяти-шести человек, мужчин и женщин, которые живут в разных деревнях; в то же время вы встретите трех братьев, которые живут в одном доме и из которых каждый знает свои особые былины; вы встретите семейство, в котором и муж и жена охотники петь былины и поют разные. Женщины здесь воспевают тех же богатырей, как и мужчины, специальный же «бабий» богатырь Прионежья, Ставер, которого хитрая жена выручает от князя Владимира, вовсе не известен кенозеркам. В Кенозере мне сказали, что знает былины и супруга местного иерея, бывшего благочинного, о. Георгиевского. Это меня крайне удивило, потому что дотоле не встречалось ни малейшего признака, чтобы былины пелись вне крестьянской сферы, первая моя мысль была, не принадлежит ли певица былин, о которой мне сказали, по происхождению сама к этой сфере.

Но оказалось, что нет. Г-жа Георгиевская — дочь бывшего прежде на Кенозере священника, родилась и воспитывалась в отцовском доме «на погосте» и в нем же осталась жить и замужем. Обязательно позволив мне записать с ее голоса те былины, которые остались у нее в памяти (а прежде она знала их больше, пока заботы хозяйства и воспитания детей не поглотили всего ее досуга), почтенная г-жа Георгиевская рассказала, что ее отец, отличавшийся крайнею суровостью, строжайше запрещал своим дочерям пение святочных, плясовых и т. п. песен, которые составляют обыкновенную забаву молодых девушек, так как он эти песни почитал греховными: что же было делать, чтобы разгонять скуку? И вот, дочери строгого иерея заучили и принялись распевать былины, которые они слышали от старика-крестьянина, каждую зиму работавшего в их доме как портной.

Другой факт не менее замечателен. Я записывал былины со слов крестьянки Матрены Меньшиковой, записал былинку про Илью Муромца, как он пришел в Киев каликою и стал поить «голей кабацких», записал вариант редкой и единственно на Кенозере слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, как вдруг Меньшикова, сказав, что знает еще хорошую старинку, запела:

Были юные Ово и девушка Мара,
Двое с трех лет выростали,
Одною водицей умывались и т. д.

— словом, пропела с начала до конца всю предлинную сербскую песню про Иову и Мару в переводе Щербины. — «От кого, — спрашиваю, — ты этой старинке научилась?» — «Да от стариков наших слыхала, отец и другие старики певали». Этот ответ показывал, что певица уже не отличала Иовы и Мары от других «старин», которые она заимствовала от родителей; потом из разговора с нею я узнал, что муж у нее грамотный и сын, тоже выучившийся грамоте, бывал в Петербурге. Таким образом не трудно было догадаться, что к ним в дом попал экземпляр щербиновской «Пчелы», и что муж или сын прочитал

46

вслух при Матрене перевод Иовы и Мары. Но знаменателен факт усвоения этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху склад стиха, на непонятные слова, которыми поэма пересыпана. Несмотря на все это она в состоянии была пропеть всю сербскую поэму так же плавно и без запинки, как какую-нибудь родную былинку.^d Она применяла сербский стих к

^d Для сличения приводим начало этой былины, как ее усвоила себе кенозерская крестьянка, и печатный текст Щербины:

«Иово и Мара» в устах Матрены Меньшиковой
Были юные Ово и девушка Мара
выростали,

Двое с трех лет выростали,
Одною водицей умывались,
Однем полотном утирались,
Один же сой ночью видали,
Так любо друг другу в очи смотрели,
И как солнце в глубокое море.
Ован-от был удал из удалых,
И не простого — господского рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, как ель молодая,
И мало было веку любить эту Мару.
Как не видишь, так так и заболеешь,
А увидишь, так вылечит разом.
В пору уж было Иове жениться,
Девушке Маре можно уж выйти и замуж.

сыщешь?

Спрашивает юные Ово:
Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Как я держу тебя на мыслях?»
Потихоньку Мара ему отвечала:

молодая.

«Юные Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мне своих,
Как мать сына у сердца ношу я».

заболеешь,

Выслушал эти речи неприметные сторож,
вылечит разом.

Донес он Овановой майки,
Говорит-де Овану эта майка:

Печатный текст

Двое милых, любясь,

Юный Иово да девушка Мара,
С малолетства от третьего года;
Их увидишь, — так радостно станет;
Скажешь, это василек со тмином,
Умывались одною водою,
Утирались одним полотенцем,
Любо в очи друг-другу глядели,
Будто солнце в глубокое море;

Пели песню одну вечерами,
Темной ночью один сон видали,
Впору Иове уж было жениться,
Можно было отдать Мару замуж...
Вырос Иово — удал из удалых,
Красотою — красивей девицы.

Мара — слова для Мары не

И на свете такой не бывало!

Не увидишь очей ее лучше,
Тоньше стана ее не найдется,
Миловидна, что горная вила,
А гибка то, что ель

Год на Мару гляди — и все мало,
Мало б веку любить эту Мару!

Как увидишь ее —

А посмотрит — так

Но сироткой была наша Мара,
Иово ж был из богатого рода,

нашему эпическому складу, протя-

47

гивая хореическое его окончание, так что оно занимало темп дактиля, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показывают ли эти факты, что там, на Кенозере, воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии, что эта поэзия там не только не вымирает, а даже еще ищет себе новых предметов? То же самое

48

можно сказать и про Водлозеро, где только начинают прививаться былины. Из семи человек, которых мне там указали как знатоков былин, только один заимствовал их от отца; все прочие выучились былинам на чужой стороне, а если у себя дома, то от заезжих людей. Особенно характеристичен следующий случай. Крестьянин деревни Чуялы на Водлозере, Матвей Нигозёркин пропел очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на добрыниной жене; пропел, наконец, начало былины про три поездки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновению, стал его расспрашивать, откуда он знает эти былины, Нигозёркин рассказал, что он им научился не далее как *в прошлом году* (а надо заметить, что это человек уже не молодой, ему за 40 лет); что до того времени он никогда не пел былин, но прошлой осенью заехал к нему переночевать какой-то старичок-крестьянин из-за Кенозера. У него в избе сидело тогда человек полдесяток, они и стали просить старичка рассказать или спеть им что-нибудь. Старик пропел им былинку про Дюка Степановича, и она Нигозёркину так понравилась, что он просил своего гостя ее спеть другой, а потом еще и третий раз. Так он ее и «понял». Старик на другой день уехал, но на возвратном пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучил от него былинку про Добрыню и Алешу;

«Юные Ово, перо дорогое! Забудь ты и думать об этой девчонке: промолвил: Дают за тебя лучше и краше, Дают-де Отлагича Злата Фатиму. сердце?» Не видала, что солнце, что месяц, Не видала, как ноля зеленеют Не видала муравки на ноли Не видала мужчины ни разу, ... И к тому же богатого рода, сторож. — И не простого — господского рода, Богатство во время тебе пригодится ...» и т. далее Ивану: Позабудь ты об этой девчонке... Есть невеста и лучше, и краше: То — Фатима, Атлагича злато. Фата с детства взлелеяна в клетке, И не знает, что солнце, что месяц, Не видала, как хлеб зеленеет, Не видала муравки на поле, Не видала ни разу мужчины, А к тому ж и богатого рода, И в подмогу богатством сгодится...» и т. далее.	Не простого — господского рода, Раз он Маре, вздохнувши, «Так ли любишь меня, моя Мара, Как люблю я тебя, мое Тихо Мара ему отвечала: «Милый Иово, ты глаз мне дороже, завсегда ты на мыслях у Мары Как мать сына, ношу тебя в сердце Их подслушал незаметный Мать Иована те слышала речи: Злясь на Мару, сказала
--	---

былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Так-то усваивается эпическая поэзия на Водлозере. Не знаю, не стоит ли явившаяся вдруг в водлозерах охота к былинам в связи с переходом в их быте: они, прежде жившие земледелием, вдруг, вследствие усердия начальства, воспретившего делать расчистки в окружающих лесах, принуждены были помирать с голоду и, чтобы не совсем помереть, принялись плести какие-то усовершенствованные сети и вылавливать рыбу из Водлозера: а плетение сетей, как мы видели, есть занятие, особенно благоприятствующее былевой поэзии.

Как бы то ни было, нет никакого сомнения, что на Кенозере и Водлозере наш народный эпос еще совершенно живуч может там долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа. Сравни-

49

тельно с Водлозером и Кенозером, берега Онежского озера, соединенного водным путем с Петербургом, суть места, гораздо более открытые влияниям, убивающим эпическую поэзию в народе, и потому неудивительно, что здесь она уже представляет признаки вымирания. К числу этих признаков я отношу и замеченное г. Рыбниковым явление, что у женщин есть как бы особые любимые былины. Пример Кенозера показывает, что это не есть явление общее. В самом Прионежском крае любимые былины женщин про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но зато редкая из женщин знает былины более так сказать серьезные, как то: про Илью Муромца, про Садко, про Вольгу и т. д. Мне кажется, что и здесь один и тот же круг былин был некогда, как на Кен-озере, общим достоянием и мужчин и женщин; по мере же утраты вкуса к эпической поэзии, последние перестали петь все то, что не представляло для них особенного интереса, и таким образом сохранили в памяти только пикантные былины про Ставра, Чурилушку, Хотёнку Блудова и т. п.

Когда слушаешь наших народных рапсодов, — прежде всего дивишься тому, до какой степени все они, все без исключения, верно выдерживают характеры действующих в былинах лиц. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствам: они представляют целую градацию от истинных мастеров, одаренных несомненным художественным чувством, до безобразных пачкунов, так что собрание былин, с их слов записанных, можно сравнить с картинною галереею, в которой однообразный ряд сюжетов повторялся бы в нескольких десятках копий, начиная от прекраснейших рисунков и кончая отвратительным мараньем. Но каков бы ни был рисунок, самый изящный или карикатурный, облик каждой физиономии в этой галерее везде сохраняет свои типические черты. Ни разу князь Владимир не выступит из роли благодушного, но не всегда справедливого правителя, который сам лично совершенно бессилен; ни разу Илья Муромец не изменит типу спокойной, уверенной в себе, скромной, чуждой всякой аффектации и хвастовства, но требующей себе уважения силы; везде Добрыня явится олицетворением вежливости и изящного благородства, Алеша Попович — нахальства

50

и подлости, Чурила — франтовства и женолюбия, везде Михайло Потык будет разгульным, увлекающимся всякими страстями удальцом, Ставер — глупым мужем умнейшей и преданной женщины, Василий Игнатьевич — пьяницей, отрезвляющимся в минуту беды и который тогда становится героем, Дюк Степанович — хвастливым рыцарем, который пользуется преимуществами

высшей цивилизации и т. д.; словом сказать, типичность лиц в нашем эпосе выработана до такой степени, что каждый из этих типов стал неизменным общенародным достоянием. Северно-русскому крестьянину, сохраняющему в памяти эпические сказания, очевидно присущи не только какие-нибудь общие неопределенные представления о его героях, но живые очертания их характеров; иначе наши былины, в которых мы так часто встречаем искажения и крайнюю путаницу в обстоятельствах описываемых действий, искажали и путали бы и характеры действующих лиц; а этого-то никогда не бывает. Потому кажется, что в сохранении и преемственной передаче былин, кроме механического действия памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно так выразиться, поэтическое чутье в народе. Но за сим главнейшее участие принадлежит памяти. В самом деле, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и петь без запинки поэмы, которые длятся иногда по два и по три часа. Это одна из причин, что эпическая поэзия должна исчезать с развитием грамотности и промышленного духа в народе: эпическим песням нужна свободная память, они могут вместиться только в голову, не загроможденную книжным учением, не занятую расчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самих певцов действует в усвоении и воспроизведении их рапсодий; участия личного творчества никто из них не подозревает, хотя оно существует несомненно. Из разговора с любым сказителем вы сейчас увидите, что он вполне чужд сочинительства: он старается петь именно так, как пел его отец, дед или учитель; если он чего-нибудь не упомянул, то либо пропускает, рассказывает словами; но как бы подробно он ни знал содержания какого-нибудь эпизода или целой былины, он, раз забывши как она поется, никогда не решится восстановить ее

51

стихами, хотя при однообразии эпического склада это казалось бы весьма легко. Я был свидетелем смешного фиаско, которое потерпел один водлозерский нищий, слепой Анисим, поющий по профессии духовные стихи: ему захотелось заработать у меня денег, и когда я ему сказал, что духовных стихов мне не нужно, а нужны былины, он, видно понадеявшись на себя, прехладнокровно начал петь про Илью Муромца; но пел он чепуху и нескладницу невообразимую. Так, напр., он пел:

И говорит-то Илья Муромец сын Иванович
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говорит-то ён им таково слово:
— А и ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ехати и поликовать
И биться и ратиться
За церкви соборный, за весь тот мир православный,
За верушку да кровь отечество,
За царя да за земного правителя,
Всероссийского да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потом он сознался, что былин не певал, а знал про Илью рассказ только словами. Другой крестьянин, Андрей Сорокин, говорил мне, что, будучи еще с малолетства охотником до былин, он иногда пытался распевать голосом, в виде былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочем,

самая эта попытка показывает в Сорокине склонность к личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинах. И действительно: ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былив. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе: — «Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!». Ничего подобного мне ни от кого другого из сказителей не приходилось слышать и я приписываю склонности к сочинительству в Сорокине осо-

52

бий характер, которым отличаются его былины, их бесконечную амплификацию, делающую их так скучными.^е

Сорокин составляет единственное в своем роде явление. Все прочие сказители всегда утверждали, что то, что рассказывается словами, никоим образом не может быть пето стихом; когда я замечал им, что они пропустили что-нибудь или спели нескладно то иные старались «выпомнить» лучше это место, но никому в голову не приходило сгладить пропуск или нескладицу собственным измышлением. Обыкновенно же, хотя бы указана была в былинке явная нелепица, сказитель отвечал: «так поется», а про то что раз сказано, что «так поется», то свято; тут, значит, рассуждать нечего. Когда попадалось в былинке какое-нибудь непонятное слово и я спрашивал объяснения, то получал его только в таком случае, когда слово принадлежало к употребительным местным провинциализмам: если же слово не было в употреблении, то был всегда один ответ: «так поется», или «так певали старики, а что значит, мы не знаем». Не раз сказитель, пропев про князя Владимира какой-нибудь стих, весьма

53

к нему непочтительный, просил за это не взыскать, «потому-де мы сами знаем, что не хорошо так говорить про святого, да что делать? так певали отцы, и мы так от них научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считает себя обязанным петь былинку так, как сам ее слышал, а его слушатели вполне довольствуются тем, что «так поется», и объяснений никаких не требуют, —

^е Г. Рыбников обратил внимание на эту черту былин Сорокина и писал: «Обилие подробностей, некоторая расплывчивость, богатство эпизодов, соединение многих былин в одну — у Сумозерского певца (дело идет о Сорокине) ясно указывает промысел сказителя, содержателя постоянного двора: чем дольше длится былина, тем ему выгоднее: обязательные слушатели рады лежать слушать до позднего вечера» (т. IV, «Заметка», стр. XXXVI). Я должен оговорить ошибку, в которую впал почтенный собиратель по невольному недоразумению. Андрей Сорокин никогда не был содержателем постоянного двора и даже крайне удивился, когда я его спросил об этом; в местности, где он живет, нет ни одного постоянного двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяжении 60-ти верст, отделяющих Водлозеро от гор. Пудож; потому все проезжающие по этому направлению принуждены в ней ночевать и пользуются для того гостеприимством сумозерских крестьян, между прочим и Сорокина, у которого своя изба. Оттого г. Рыбников мог подумать, что он содержит постоянный двор. Впрочем, не только прием проезжих не составляет промысла Сорокина, который живет исключительно хлебопашеством и с гордостью показывал мне большие пространства «нив», расчищенных его руками из-под леса, но обстоятельство, что он живет в таком проезжем месте, как Сумозеро, не могло повлиять на склад его былин, ибо он переселился в эту деревню уже взрослым работником (его принял в дом тесть), а родился и вырос в деревушке Ценежах у Пудож.

только благодаря этому и могла удержаться в былинах такая масса древних, ставших непонятными народу слов и оборотов; только благодаря этому могли удержаться бытовые черты другой эпохи, не имеющие ничего общего с тем, что окружает крестьянина, подробности вооружения, которого он никогда не видал, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашем Севере, чтобы вполне понять, как велика твердость предания, обнаруживаемая в народе его былинами. Мы, жители менее северных широт, не находим ничего особенно для нас необычного в природе, изображаемой нашим богатырским эпосом, в этих «сырых дубах», в этой «ковыль траве», в этом «раздолье чистом поле», которые составляют обстановку каждой сцены в наших былинах. Мы не замечаем что сохранение этой обстановки приднепровской природы в былинах Заонежья есть такое же чудо народной памяти, как например, сохранение образа «гнедого тура», давно исчезнувшего, или облика богатыря с шеломом на голове, с колчаном спиною, в кольчуге и с «палицей боевою». Видал ли крестьян Заонежья дуб? Дуб ему знаком столько же, сколько нам с вами читатель, какая-нибудь банана. Знает ли он, что это такое «ковыль-траве»? Он не имеет о ней ни малейшего понятия. Видал ли он хоть раз на своем веку «раздолье чистое поле»? Нет, поле как раздолье, на котором можно проскакать, есть представление для него совершенно чуждое: ибо поля, какие видит, суть маленькие, по большей части усеянные камнем или пнями, клочки пашни либо сенокосу, окруженные лесом; если же виднеется кое-где чистое гладкое место, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человек. А крестьянин этого края продолжает петь про раздолье чистое поле, как будто бы он жил на Украине!

54

Но само собою разумеется, что, кроме завещанного преданием северно-русская былина носит в себе и местные, и личные тихий. Когда сказитель поет, что добрый конь богатырский

«Мхи болота перескакивал,
Мелкие озера промеж ног пушал»,

то он рисует картину, которая составила на месте. Таких черт можно найти не мало. Нельзя не заметить той особой обстоятельности, с которою в былинах наших изображается седлание коня и снаряжение корабля: эти картины, конечно, не принадлежат к числу тех, которые привнесены на Севере в состав наших былин; но если именно седланье коня и снаряжение корабля излагается в них пространнее и с большей так сказать любовью, чем другие действия, — то это могло произойти оттого, что из всех действий, приписываемых богатырям, именно седланье коня и снаряжение корабля особенно близко знакомы севернорусскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться в путь, приходится либо оседлать себе лошадь, либо снарядить парусную лодку. Я думаю, что влиянию местной жизни следует приписать и то, что в Онежском крае сохранился, рядом с богатырем-мужиной, образ богатыря-женщины или *поляницы*. Это представление до такой степени стало чуждо нам, что, при издании в Москве первого тома сборника Рыбникова, там даже ученые не поняли, что такое поляница, как показывает примечание издателей к этому слову (стр. 27): «*паленица, поленица, поляница*: удалая голова, что рыскает по полю ради подвигов»^f. Между тем в северной части Олонецкой губернии на Выгозере, на

^f Такое же неправильное толкование и в словаре Даля: поленица — удалцы, ватага шалунов,

Водлозере, на Повенецком и Пудожском побережье каждый крестьянин вам скажет положительно, что встарину богатырские подвиги совершали одинаково и мужчины, и женщины, и что как мужчины назывались *богатырями*, так женщины *поляницами*. Это я слышал десятки раз. (Поляница — это значит женщина-богатырица, говорил водлозер Суханов.) — «Что такое поляница?» спросил я между прочим у [другого]

55

водлозерского певца Нигозёркина, думая поставить его втупик, так как он только недавно и случайно выучился кое-каким былинам: — «А вот видите, — отвечал он, — досюль (т. е. в прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну как и мужчины, это поляницы значит по нашему, по-деревенски».

Не стану делать гипотез о том, имеет ли предание о женщинах-богатырях в нашем эпосе связь с женщинами-воительницами, о которых говорят писатели древности у племен, обитавших в Черноморских краях, или с воинственными девами чешских легенд, но как бы образ женщины-богатыря ни сложился, — сохранению его в живом представлении народа способствовали несомненно бытовые условия в северной части Олонецкой губернии. Здесь от женщины требуется не только равная доля физического труда, но требуется та же неустранимость и отвага, что от мужчины. Здесь женщина в бурю должна уметь грести и править лодкою, в осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и невода, в зимние мятели отправляться в извоз к Белому морю. Олицетворяя в богатыре мужскую силу и отвагу, крестьянин этих мест не мог отделять его от такого же героического типа женщины; потому так ясно и сохранилось здесь понятие о *полянице*, которое в других краях России потеряло свою определенность. Так даже в Кижях и на Кенозере, в ответ на вопрос о том, что такое поляница, скажут либо, что это то же самое, что богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чем богатыри, либо, наконец, ответят просто: «так поется, поляница, а что такое, не знаем». Впрочем и там лучшие певцы (напр. Рябинин) употребляют название «поляница», — хотя кажется бессознательно, по старой памяти, — собственно тогда, когда речь идет о женщинах-воительницах.^g

Кроме местных влияний, в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом; участие это чрезвычайно велико,

56

гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверенья сказителей, что они поют именно так, как переняли от стариков. На Кенозере я встретил двух весьма замечательных сказителей, которые заимствовали былины от одного и того же читателя: это — Иван Сивцев, по прозванию Поромской, который выучился петь былины от своего отца, и Петр Воинов, ученик того же старика Поромского, у которого он жил в работниках. Если сличить былины, с их слов записанные, то сейчас заметишь что они весьма сходны по содержанию, но значительно рознятся в подробностях изложения и оборотах речи. Такое же различие представляют былины кенозерского же певца Андрея Гусева и те же

наездники, разбойники; поленица удалая — шаика, вольница.

^g См. №№ 77 и 81. Если в былине о королевичах из Кракова (№ 87) Рябинин повидимому смешивает поляницу с богатырем мужского пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, в которой говорится о полянице, есть почти буквальная вставка из другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца с настоящею поляницею — его дочерью (№ 77).

былины, как их поет его сын Харлам Гусев.

Можно сказать, что в каждой былине есть две составные части: места *типические*, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места *переходные*, которые соединяют между собою типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былин; переходные места, должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хранится только общий остов, так что всякий раз, как сказитель поет былин, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения. В устах лучших сказителей, которые поют часто и выработали себе, так сказать, постоянный текст, эти отступления составляют, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя с менее сильной памятью или давно отвыкшего от своих былин и заставьте его пропеть два раза кряду одну и ту же былин, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу в его тексте, кроме типических мест.

Эти типические места у каждого сказителя имеют свои особенности, и каждый сказитель употребляет одно и то же типическое место всякий раз, когда представляется к тому подходящий смысл, а иногда даже некстати, прицепляясь к тому или иному слову. Оттого все былины, какие поет один и тот же сказитель представляют много сходных и тождественных мест, хотя бы не имели ничего общего между собой по содержанию.

57

Таким образом типические места, о которых я говорю, всего более отражают на себе личность сказителя. Каждый из них, выбирает себе из массы готовых эпических картин запас, более или менее значительный, смотря по силе своей памяти, и, затвердив их, этим запасом одинаково пользуется во всех своих былинах. У двух сказителей, Ивана Фепопова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенной набожностью, они то и дело молятся богу; а из этих сказителей Фепонов, как упомянуто выше, калика, т. е. певец духовных стихов по профессии, — Антонов же, хотя простой крестьянин-земледелец, но выучился былинам тоже от калики по профессии, ныне умершего. Таким образом, набожный склад духовных стихов отразился у них и в былинах.

Изложенные здесь наблюдения представлялись мне сами собою, пока я слушал наших сказителей и записывал их рапсодии. Я тогда же пришел к убеждению, что собранные былины должны быть, при издании, расположены не по предметам, а по сказителям. Конечно, эта система имеет большие неудобства, и я первый готов признать, что окончательное, полное издание наших эпических песен, точно так же, как необходимое в литературе нашей очищенное издание избранных былин, следует сделать по предметам, с систематическим подбором вариантов. Но для полного издания еще не наступило время; издание же хрестоматии не есть моя цель. Я считаю эпические песни, сохранившиеся в народе нашем, настолько ценными для науки, что они заслуживают все издания; при издании же сырого материала, каким представляется собрание записанных мною былин, система расположения их по рапсодам имеет то преимущество, что при ней может легко уясниться важный вопрос об отношениях личного творчества и предания в составе былин. С этой точки зрения получает цену многое, что иначе казалось бы не заслуживающим никакого внимания. Так, например, читатели встретят в моем сборнике два ужасно плохие варианта известной былины про отъезд Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его жене. В одном из этих пересказов всего подробнее описываются и выставляются ребром заботы Владимира о том, чтобы прислуга

не впускала никого посторон-

58

него на брачный пир алешин, и переговоры Добрыни со служителями о том, чтобы ему позволили войти: словом, центр действия перенесен в переднюю. В другом пересказе Владимир, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издает указ удалить из Киева «всех вдов и жен беспашпортных» и грозит Настасье этим законом. Что может быть безобразнее того и другого пересказа? Между тем первый из них характеристичен по отношению к личности самого певца: это — молодой человек, который ходил бурлаком на Канал, на заработанные деньги кутил в Петербурге на Сенной, прокутившись, поступил в услужение к какому-то купцу и недавно только воротился к себе в деревню и сел там на крестьянство. Из всех певцов былин, мне встретившихся, этот больше всех вращался в лакейской сфере, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказ же, где говорится о беспашпортных вдовах, свидетельствует о том, как запечатлевается в былинах след событий, поражающих народ. Этот вариант, который я слышал единственно на Водлозере, заключает в себе воспоминание того, что в пятидесятых годах нынешнего столетия разогнали из раскольничьих скитов в Данилове и на Лексе (т. е. за несколько десятков верст от Водлозера) всех вдов и девиц, проживающих там без паспортов.

Каждая былина вмещает в себе и наследие предков и личный вклад певца; но, сверх того, она носит на себе и отпечаток местности. Сколько мне показалось, певцы былин из Олонецкой губернии должны быть разделены, по местности, на две большие группы, из которых каждая имеет, затем, свои подразделения. «Эти две большие группы можно бы пишущему в Петербурге назвать *прионежскою* (или — если угодно употребить старинное слово — *обонежскою*) и *заонежскою*, потому что первая обнимает местности, прилегающие к Онегу, а вторая — края, которые лежат к северу и востоку от Онега; но второе название произвело бы путаницу, так как слово Заонежье употребляется народом в смысле диаметрально противоположном тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьем русские (когда колонизация этого края шла с востока на запад) называли тот большой полуостров, который вдается в Онежское озеро по сю сторону его бассейна. Итак, нам приходится искать другого

59

названия: я назову эту группу, в противоположность прионежской, группой северо-восточною, так как она обнимает окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа прионежская характеризуется пространностью былин, северо-восточная группа — относительно их сжатостью. Эти два типические признака являются как в построении самых рапсодий, так и в складе стиха. В Прионежье былины отличаются качеством, которое еще Гораций приписывал эпическим песнопениям, — длиннотою: *die age longum*, Calliope, *melos*. В Прионежье слышатся былины в тысячу стихов и более и замечательна склонность сказителей к длинному стиху (7-, 8-, 9-стопному) со множеством вставочных частиц. На северо-востоке, напротив того, преобладает стих короткий, 5-, 6-стопный; вставочные частицы употребляются умереннее; повторения, которые так удлиняют былины в устах прионежских певцов, здесь вводятся гораздо реже; ход рассказа живее и менее обставлен подробностями, так что редкая былина достигает и 300 — 400 стихов. Само собою разумеется, что и на Прионежье

некоторые былины бывают короткие, а у выгозерских и кенозерских сказителей попадаются такие, которые изобилуют длиннотами; но я юворю об общем, преобладающем типе, а в этом, как мне кажется, различие весьма явственно.

Перехожу к подразделениям обеих групп и начинаю с прионежской. Когда я был на том полуострове, который слывет Заонежьем, то слышал, что народ делит его по какому-то старинному преданию на три части: Киж, Толвуй и Шуньгу. Имя *Киж* обнимает юго-западную часть Заонежья, т. е. погосты Сенногубский, Кижский, Великогубский, Яндомозерский, Космозерский; Толвуй есть общее название для восточной полосы Заонежья, т. е. погостов Типеницкого, Кузарандского, Выгозерского, Толвуйского, Фоймогубского; наконец Шуньгою называется северо-западный угол Заонежья. Про последний край ничего не могу сказать, потому что в нем не был, а слышал, что там едва ли можно встретить былины; но я был удивлен тем, что хотя между Кижам и Толвудей нет ни природной, ни адмнистративной, а есть только какая-то воображаемая по преданию граница, — манера у певцов былин в том и другом крае

60

совершенно особенная. В то же время толвуйская манера совершенно сходна с тою, которая замечается на противоположном, северо-восточном берегу Онежского озера, в Повенецком уезде самого перевала на Масельге. Потому думаю, что можно онежских рапсодов разделить на две, так сказать, школы — кижскую и толвуй-повенецкую. Что это заключение не совсем поизвольное, могу подтвердить свидетельством самих крестьян. В Пудожгорском погосте, в деревне Горке, стоят рядом, бок-о-бок избы двух замечательных сказителей: Абрама Евтихиева (Бутылки), о котором я упоминал выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождал меня из Петрозаводска, ко второму мы приехали в гости на Пудожскую Гору. Когда Калинин пропел длинную былину о Добрынюшке, хозяин и гребцы моей лодки, привыкшие слышать Абрама, все тотчас заметили: «Как странно, два такие близкие соседа, а сказывают былины совершенно разнo!». Абрам Евтихиев тотчас объяснил нам это: — «Петр Лукич, — говорил он, — понял былины от своего отца, а я от своего; батюшка же мой не тутошний, он родом из Киж, с Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мне уже было лет 20; отого я и пою былины как кижане, а не как здешние».

В чем же состоит различие этих двух школ? В чертах весьма мелких, но которые дают, так сказать, тон всей рапсодии, а именно в тех беспрерывно повторяющихся вставочных частицах, которые служат как бы подпорками нашего эпического стиха, подобно гомерическим частицам *ἄζα, ἄῶ, λέ, δῆ* и проч.

В Кижках такими частицами — кроме общеупотребительных *да, а, и, ли* — служат обыкновенно: *как, ведь* и *де*; у толвуйских сказителей вы никогда не услышите ни *как*, ни *ведь*, ни *де* в смысле простой вставки; они опирают стих на частицах *нынь* или *нунь*, *же*, *было* и *есть* или *е*: это последнее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частию употребляется при глаголах прошедшего времени, так что оно является как бы остатком старинной формы образования прошедшего, но как смысл этого приставочного «есть» или «е» уже потерян, то сказители нередко пользуются им просто для стиха.

61

От школы повенецко-толвуйской, так же как от кижской, однако менее от

первой, чем от последней, отличаются по складу былины, которые я слышал на восточной стороне Онега, ближе к городу Пудожу. Но в этой местности нашлось только четверо сказителей, из которых у каждого есть весьма заметные особенности. Это объясняется различием источников их былин. Только у одного из них, Сорокина, они местного происхождения; другой, Иван Фепонов, выучился былинам на Онеге-реке; к третьему, Потапу Антонову, они перешли из Вытегорского уезда; наконец, Никифором Прохоровым поются былины, занесенные тоже из какого-то дальнего места (его отец выучился им, когда служил в пастухах у помещика, стало быть, во всяком случае не близко от родины Прохорова, потому что там нет вовсе помещичьих имений). Итак, этих четверых сказителей можно соединить по местности в группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до северо-восточной группы, то я не подмети там различия собственно в складе былин между отдельным местностями. Во всех местностях этой группы, на Выгозере, Водлозере, Кенозере, манера сказителей одна и та же, — те же короткие стихи, та же краткость в рассказе, та же относительная умеренность в употреблении вставочных частиц. Тем не менее считаю нужным разделить северо-восточную группу географически на выгозерскую, водлозерскую и кенозерскую, потому что между этими местностями есть различие — не в складе былин, а в их сюжетах. На Выгозере воспеваются те же герои, что и в Прионежье: общеизвестные Илья Муромец, Добрыня, Чурило и т. д., и сверх того Дунай Иванович, Ставер Годинович, Дюк Степанович, Садко купец богатый; на Кенозере же про четырех последних вовсе не поют, про Дуная и Ставра там даже не слыхивали; напротив того, сказания про Илью Муромца и Чурилу здесь многочисленнее, особенно — песни об Илье Муромце имеют у кенозерских сказителей такое преобладающее значение, какого не видно в Прионежье; сверх того, на Кенозере поются некоторые былины, вовсе неизвестные в других местах, например, о Щелкане. Группа водлозерская не имеет никакой определенности физиономии, потому что, как замечено выше, там эпическая поэзия только начинает водворяться, заносимая с разных сторон.

Наконец, в последней из местностей, которые я решился причислить к северо-восточной группе, — на Моше, слишком мало остатков эпической поэзии, чтобы можно было судить о ее характере. Былины там, по большей части, перешли в прозаические рассказы в виде сказок, и на Моше остался только один мечательный певец былин (Швецов). Его былины довольно заметно отличаются от кенозерских, и как Мошенский край по природным условиям всего ближе связан с Шенкурским уездом Аохангельской губернии, то можно бы предположить, что и в отношении к былевой поэзии он составляет часть шенкурской группы; но об этой последней я не имею никаких сведений, почерпнутых из личного наблюдения.

Между прочим следует заметить, что кенозерские и мошенские былины отличаются от всех прочих по наречию. На всем Прионежье, так же как на Выгозере и на Водлозере, господствует северно-русское наречие, в котором о произносится всегда чисто, без перехода в *а*, и родительный падеж прилагательных на *аго*, *ого* выговаривается так, как мы его пишем; при этом замечается еще свойственная новгородцам наклонность буквы *Ѣ* к звуку *и* и буквы *ѣ* к звуку *ч*, но случаи, в которых вместо *Ѣ* слышится чистое *и*, вместо *ѣ*, — чистое *ч*, редки и непостоянны, обыкновенно же является средний звук, который трудно передать. Так, напр., очень редко скажут: *белый свит, молодець*, обыкновенно же выходит не то *билый свит, молодець*, не то *белый свет*,

молодец, а что-то среднее.

С Водлозера на Кенозеро едешь верст 90 или 100 болотистыми реками, по совершенно безлюдному «суземку», на середине которого волок в 5 верст, и деревушка. Этот волок есть водораздел между водами балтийского и беломорского бассейнов. Переехав водораздел, замечаешь тотчас и некоторую перемену в наречии: *ц* произносится чисто, *Б* уже весьма редко принимает оттенок звука *и*, впервые слышится переход *г* в *в* в родительном падеже, особенно в мелких словах *тово*, *сево*, *нево* и т. п.

Тот же самый говор слышен и на Моше; далее по пути от Моши к Вельску переезжаешь другой большой болотистый пустырь, отделяющий воды, которые текут в Онегу-реку, от при-

63

токов Северной Двины. С этим водоразделом опять-таки соединено изменение в наречии: ослабевает *оканье*, окончание *аго* чаще переходит в *аво*, произношение *Б* как *и* совсем исчезает, и любопытно, что с переменою в наречии совпадает и другая, экономическая. До этого водораздела вся экономическая жизнь народа тяготеет исключительно к Петербургу и Архангельску, с Москвою нет ни малейшей связи (кроме редких богатых торговцев, бывающих на Нижегородской ярмарке); за болотистым волоком, отделяющим Мошенский край от Пуйского, Москва является главным, наиболее знакомым народу экономическим центром, Петербург отходит на второй план.

Я удалился от нити своего изложения. Мне остается к замечаниям о складе наших былин прибавить несколько наблюдений насчет их размера. К этим наблюдениям меня привела с первого же дня встреча с Абрамом Евтихиевым, с которым, как сказано, я познакомился при самом приезде в Петрозаводск. Он стал мне петь свои былины, уже известные мне по изданию г. Рыбникова, и, следя за ними по печатному тексту, я был поражен разницею — не в содержании рассказа, а в стихе. В печатном тексте стихотворное строение выражается только дактилическим окончанием стиха, внутри же стиха никакого размера нет; когда же пел Абрам Евтихий, то у него явно слышался не только музыкальный каданс напева, но и тоническое стопосложение стиха. Я решился записать былинку вновь; сказитель вызвался сказать мне ее «пословесно», без напева, и говорил, что он уже привык пословесно передавать свои былины тем, которые прежде их у него «списывали». Я начал списывать былинку о Михаиле Потыке; размер исчез, выходила рубленая проза вроде той, какую эта былина напечатана была в «Олонецких Ведомостях»^h и потом перешла в сборник г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался было переправить эту рубленую прозу в стих, заставив сказителя вторично пропеть ее, но это оказалось неисполнимым, потому что, как объяснено выше, сказители каждый раз меняют несколько изложение былины, переставляют слова и частицы, то прибавляют, то опускают какой-

64

нибудь стих, то употребляют другие выражения. Прислушавшись несколько дней к первым встреченным сказителям и ясно пробившись с ними, чтобы записать былинку совершенно верно, с соблюдением размера, каким она поется, я попробовал приучить своего спутника рапсода *петь* (а не пересказывать только словами) былинку с такою расстановкою между каждым стихом, чтобы можно было записывать. Это было легко столковать Абраму Евтихиеву, и я решился

^h По списку, доставленному П. О. Бутеневым.

записать вновь былины. Напев поддерживал стихотворный размер, который передаче сказителем былины словами тотчас исчезает от поопуска вставочных частиц и слияния двух стихов в один, и былина вышла на бумаге такую, как она действительно была пропета. Тот же прием употреблял я впоследствии со всеми другими сказителями, и он мне удавался почти всегда. Только в редких случаях (они будут мною всякий раз обозначаемы) мои старания были тщетны. Так чересчур ветхий и почти глухой старик Кузьма Романов и замечательная, впрочем, сказительница Домна Сурикова никак не могли приладиться к песенной передаче былины. Когда они начинали сказывать ее нараспев, то не в состоянии были остановиться, чтобы не пропеть вдруг целую тираду, которую мог бы записать разве стенограф; когда же я их останавливал и просил повторить то же потише, то впадали в прозаический пересказ, в котором стихосложение исчезало.

Записав с возможною внимательностью к стихотворному размеру былины 70-ти сказителей и сказительниц, позволю себе сделать некоторые общие выводы. Сказителей в этом отношении можно распределить на три группы:

1. сказители, которые точно соблюдают в каждой былине правильный размер;
2. сказители, которые соблюдают размер, но не всегда правильный; и
3. сказители, которые вовсе не соблюдают размера.

Что правильное тоническое стопосложение составляет коренное нормальное свойство русской народной былины; что неправильность в стихотворном размере есть признак порчи, а совершенное отсутствие размера — дальнейшая степень такой порчи,

65

это не требует доказательств для каждого, кто либо послушает наших сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанные с их напева. Он найдет правильный тонический стих у тех именно сказителей, у которых былины и по содержанию самые складные, самые полные, самые архаические; он заметит, что рапсоды, которые допускают неправильности в стопосложении, — все-таки обыкновенно поют правильным стихом повторяющиеся типические места, т. е. то, в чем всего более сохраняется древний склад речи; он увидит, что совершенно разрушенный стих имеет спутником разрушение и в содержании и во внутреннем складе былин.

Какой же размер нашего народного эпического стиха? Не один, а несколько.

Г. Рыбников заметил, что у Рябина «один и тот же быстрый голос очень весел в Ставре, в Потыке как-то заунывнее, а в Вольге и Микулушке выходит торжественным». Г. Рыбников разумеет здесь собственно напев, но за напевом скрывается его основа — размер стиха. В Ставре у Рябина хорей с дактилем, в Потыке — чистый хорей, в Вольге и Микуле — анапест. Эти три размера вмещают в себе весь наш народный эпос, за исключением некоторых более поздних его произведений.

Преобладающий размер, который я назову *обыкновенным эпическим размером*, есть чистый хорей с дактилическим окончанием.

Число стоп неопределенно, так что стих является *растяжимым*. Растяжимость при правильном тоническом размере составляет отличительное свойство русского эпического стиха. Но при этом следует иметь в виду, что у хороших певцов растяжимость стиха бывает весьма умеренная. Решительное преобладание принадлежит стиху 5- и 6-стопному, который затем может расширяться до 7-ми и суживаться до 4-х стоп; стихи же длиннее или короче

того допускаются лишь разве как самая редкая аномалия. Чрезмерно длинного стиха (более 8-ми стоп) вы никогда не услышите от сказителя, если только он не принадлежит к числу тех, у которых размер стиха совсем разрушен. Встречая такие длинные стихи в печатных изданиях былин, мы должны их объяснять тем, что сказители, когда передают былинку сло-

66

вами, без напева, часто сливают два и даже три стиха в один. Можно также заметить, что в некоторых былинах преобладает тип стиха более короткого, так что наибольшая часть стихов 4- и 5-стопные, в других преобладают длинные, 6-стопные с примесью 7-стопных. Так Калинин пел былины про Илью Муромца стихом по преимуществу 4- и 5-стопным, про Добрыню Никитича 6- и 7-стопным. Любопытно было бы сравнить русский эпический стих с таким же стихом у других народов: какие бы это сравнение дало результаты? С стихом южно-славянским, силлабическим и нерастяжимым (т. е. без тонического склада и с неперменным соблюдением одинакового числа слогов), у нас нет ничего общего кроме того, что каждый стих, и русский и южно-славянский, должен представлять какой-нибудь более или менее цельный смысл, какую-нибудь фразу или отдельный член фразы, не допуская ни в коем случае так называемого enjambement, столь любимого, напротив, в стихе древнегреческого, германского и скандинавского эпоса.

Впрочем, не стану удаляться от своего предмета и потому возвращаюсь к размерам олонецких сказителей. Вот пример стиха, который я назвал обыкновенным эпическим: Если читатель потрудится сравнить эти строки с напечатанными в сборнике г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то он заметит, как размер исчезал вследствие того, что былина записывалась им по-словесно и только поверялась по напеву (см. «Заметку» в III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно с голоса. Вот соответствующее место у г. Рыбникова:

Старый казак Илья Муромец
Поехал на добром коне
Мимо Чернигов град.
Под Черниговым силушки черным-черно,
Черным-черно, как черна ворона.
Припустил он коня богатырского
На эту силушку великую,
Стал конем топтать и копьем колоть,
Потоптал и поколол силу в скором времени,
И подъехал он ко городу ко Чернигову.
Приходят мужики к нему Черниговцы,
Отворяют ему ворота в Чернигов град
И зовут его в Чернигов воеводою.
Из того ли то из города из Муромля,

67

Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой, дородний добрый молодец.
Он стоял заутрену во Муромли
А й к обеду поспеть хотел он в стольней Киев град,
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова

Нагнанó-то силушки черным-черно,
А й черным-черно как черна вóрона,
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добрóm кони никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Ен подъехал-то под славный под Чернигов град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит им Илья таковы слова:
— А и же вы, мужики Черниговцы!
Нейду я к вам в Чернигов воеводою;
А скажите-ка мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжею дорогу в стольно-Киев-град.
Говорили ему мужички Черниговцы:
— А й же, удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь свято-русский!
Прямоезжею дорожкой в Киев пятьсот верст,
Околоною дорожкой цела тысяча.
Прямоезжая дороженька заколодила,
Заколодила дорожка, замуравела;
Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват:
Как у тоя у грязи у Черныя,
У тоя у березы у поклпяя,
У славного креста у Леванидова,
У славненькой у речки у Смородинки,
Сидит Соловей разбойник Одихмантьев сын.
Свищет Соловей он по соловьему,
Воскричит-то он, злодей, по звериному:
Темны лесушки к земле преклоняются,
Что есть людюшек, все мертвы лежат.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— А и же вы, мужики Черниговски!
Я нейду я к вам во Чернигов воеводою;
Укажите мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев град.
Говорили мужички ему Черниговски:
— Ты удаленькой, дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжою

Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал.
Как у той ли то у грязи-то у Черной,
У той ли у березы у поклапыи,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова,
Сиди Соловей разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей разбойник Одихманьев сын,
А то свищет Соловей да по солóвьему,
Ен крычит злодей разбойник по звериному.
Й от него ли-то от по́свисту солóвьяго,
Й от него ли-то от по́крыку зверинаго
То все травушки мура́вы уплетаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А чтесть людей, то вси мертвы лежат.

Этим размером лучшие сказители, как то Рябинин, Еремеев, Калинин, вам пропоют былину в тысячу слишком стихов, не сбиваясь в стопосложении. Если у них в сотне стихов найдется один какой-нибудь неправильный, то это конечно так же мало значит, как то, что и старик Гомер бывало, «засыпая», скажет плохой гекзаметр. Но большинство наших сказителей позволяют в хореическом стихе две вольности, которые, впрочем, мало заметны при пении былины: именно, в начале стиха они изредка опускают приставку или недостачу одного слога, так что хорей превращается в ямб, а в середине иногда вместо хорей употребляют дактиль; но как при этом два краткие слога дактиля в произношении, то хореический каданс от того не теряется. Привожу пример такой былины, записанной со слов Абрама Евтихиева:

69

*Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
— Ты не езд-ко далече во чистó полё
На тую́ гору́ да сорочинскую,
Не топчи-ко млáдых змиёнышёв,
Ты не выручай-ко по́лонов да русьских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки;
Но Пучай-река очинь свирипая,
Но середняя-то струйка как огонь сечёт.
А Добрыня сво́ей матушки не слушался,
Как он едет *далече* во чистó полё,
А нá тую на гору сорочинскую,
Потоптал он млáдых змиёнышёв,
А й повыручал он полонов да русьских.
Богатырско его сердце распотелоси,
Распотелось сердце нажаделоси,
Он приправил своего добра́ коня,
Он добра коня да ко Пучай-реки.
Он слезал Добрыня со добра́ коня,*

Он снимал Добрыня платье цветноё,
Да он *за́брел за струечку* за первую,
Да он *за́брел за струечку* за среднюю,
И сам говорил да таково слово:
— Мне *Добрынюшки* матушка говаривала,
Мне *Микитичу* маменька наказывала,
Что не е́ди-ко далече во чистó полё
На тую́ гору́ на сорочинскую,
Не топчи́-ко младых змиенышов,
А не *выручай* по́лонов да русьских
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реки,
Но Пучай-река очінь свирипая,
А середняя-та струйка как огонь сечёт;
А Пучай-река она кротна́-смирна,
Она будто лужа-то дождевая.
Не успел Добрыня словца молвити, —
Ветра нет — да тучу на́днесло,
Тучи нет — да бы́дто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром громит,
Гром громит да свищет молния.
А как лётит змии́щю Горынчи́щю
О ты́ех двенадцати о хоботах.
А Добрыня той змеи да приужа́хнется.
Говорит змея ему проклятая:
— Ты таперичаДобрыня во моих руках;

70

Захочу тебя Добрыню те́перь по́топлю,
Захочу тебя Добрыню те́перь съем-сождру,
Захочу тебя Добрыню в хобота́ возьму,
В хобота возьму Добрыню, во нору́ снесу.
Припа́дает змея как ко быстрой реки,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был,
Он нырнёт на бе́режок на та́мошной,
Он нырнёт на бережок на здешный, и т. д.

Таким образом, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильных хореических, в 4-х стихах хорей превращен в ямб, 6-ти стихах есть дактилические стопы вместо хорея. В сборнике г. Рыбникова (т. I, 122) это место читается так по списку г. Бутенева, записанному, как рассказывал сам Евтихий, с «пословесной» передачи былины:

Добрынюшке матушка говорила:
— Что молод начал ездить во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Топтать-то молодых змиенышей,
Выручать-то полонов русских.
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки.
Пучай-река есть свирипая:

Середня струйка как огонь сичет.
Добрынюшка матушки не слушался.

.....
Как был он во чистом поли,
На тых горах на высокиих,
Потоптал младых змиенышей,
Повыручил полонов русских,
Богатырско его сердце пожаделося,
Пожаделося и распотелося.
Он приправил своего добра коня,
Добра коня до Пучай-реки,
Слезает он скоро с добра коня,
Снимал с себя платье цвитное,
Забрел за струечку за первую
И забрел за струечку за среднюю.
И сам говорил таково слово:
— Мне Добрынюшки матушка говаривала,
Мне Никитичу матушка наказывала, —
Что не ездил далече во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Не топчи-ко младых змиенышей.

71

Можно сказать, что такой, несколько тронутый порчею, хорей в настоящее время преобладает у олонецких сказителей, за исключением немногих наилучших, которые умеют выдерживать размер стиха совершенно, и с другой стороны тех, как Щеголёнок, Сорокин, Сарафанов, которые вовсе утратили размер в стихе.

Второй размер в былинах можно назвать игривым как по его тону, так и потому, что этим размером сложены былины менее серьезные по содержанию, а именно про Соловья Будимирова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествие Батыя на Киев, событие, которому народный эпос придал шутливый колорит. Размер этот отличается тем, что хореические стопы перемешаны с дактилическими, которые притом не скрадываются, как в чисто эпическом размере, а выговариваются весьма явственно. Надобно заметить, что никогда былина не складывается целиком из таких стихов, — что было бы чересчур утомительно для слуха, — а они перемешиваются с чистыми хореическими стихами. Для примера привожу начало пропетой Рябининым былины о Дунае Ивановиче:

Не выручай полонов русских,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки,
Что Пу чай-река есть свирипая:
Середня струйка как огонь сичет.
А Пучай-река есть кротка, смирна:
Она будто лужа дождевая.
Как в тую пору в то время
Ветра нет, тучу наднесло,
Тучи нет, а только дождь дождит,
Дождя-то нет, искры сыпятся, —
Летит Змиище-Горынчище

О двинадцати змия о хоботах.
Хочет змия его с конем сожечь,
Сама говорит таково слово:
— Теперича Добрыня в моих руках,
Захочу — Добрыню теперь потоплю,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
В хобота возьму и на Русь возьму,
Захочу — Добрыню съем-сожру.
Добрынюшка плавать горазд он был:
Нырнет на бережек на тамошний,

72

Нырнет на бережек на здешний.
Владимир князь стольно-киевской
Заводил он почестей пир-пированьице
А й на всех-то на князей на бояров
Да й на русских могучих богатырей,
На всех славных поляниц на удалых.
А сидят-то молодцы на честном пиру,
Все-то сидят пьяны-веселы.
Владимир князь по горенки похаживал,
Пословечно государь выговаривал:
— Все есть добры молодцы поженены,
Красный девушки заму́ж даны,
Столько я один хожу холост не жёненой.
То вы знаете ль мне, братцы, супротвничку,
Чтобы личушком она да й супротив меня
Очушки у ней бы ясных соболей,
Бровушки у ней бы черных соболей,
А походочкой она бы лани белою,
Белою лани напольскою,
Напольской лани златорогия,
А чтобы было бы мне с ким жить да быть, век коротати,
А́ще вам молодцам было б то кому поклоняться.
Все богатыри за столиком умолкнули,
Все молодцы да приутихнули
За столом-та сидят, загулялися, и т. д.
Пусть читатель сравнит это место с началом былины того же певца о
Добрыне и Василье Казимирове. Там Рябинин пел:
Заводил почестен пир да й пированьицо
Здесь:
Заводил он почестен пир пированьицо
Там:
На всех сильных русских могучих на богатырей
А й на славных поляниц на удалых
Здесь:
Да й на русских могучих богатырей
На всех славных поляниц на удалых

Таким образом один и тот же стих, смотря по характеру былины,

складывается то хореическим, то дактилическим размером. Любопытно притом, что в конце былин про Дуная и про Чурилу, когда игривый их тон уступает место трагической раз-

73

вязке, дактилические стихи исчезают и размер переходит в чистый хорей.

У некоторых сказителей мы находим особенный вариант дактилического размера, состоящий в том, что последняя стопа удлиняется и стих кончается не дактилем, а четырех- или пятисложною стопою с небольшим повышением голоса на последнем слоге. Это придает еще большую легкость размеру; но такие стихи никогда не допускаются иначе, как вперемежку с обыкновенными:

Згóворит млад Соловей Гудíмировiч:
— Сходенку выкидывай серебрянюю,
Другу выкидывай подзолóченую,
Третью выкидывай исповóлжанюу.
Берите подарки умильнии,
Куниц вы лисиц да заморских.
Брали ёны во белы́е руки,
Матушку камочку узòрчатую,
И сам берет гуселка ярóвчатый,
И сам идет по сходенки золоченый,
Матушка идёт по серебряный,
Вся его дружина по исповóлжаныи
Приходят оны ко Влади́миру на двòр.
Приходит в палату грановитую,
А поклоны-то ведёт по учёному,
Крест кладет по писáному,
На все три ведь на четыре он на стóроны,
Тому ли Владимиру в особину.
Подают ему подарочки хорошие,
Матушка камочку узòрчаткую
Молодой княгини Опраксии.
Взимает княгиня на белый руки,
А взимает княгиня дивуется:
Да не дóрога камочка заморская,
А й дороги узоры заморский.
Стал его Владимир выведывати;
Стал его Владимир вывёдывати:
— Ты скажись, молодец, с коёй земли,
Как мóлодца именём зовут?

Третий размер, *анapestический*, отличается тем, что вся тяжесть стиха падает на последнюю стопу, в которой произносятся два ударения, одно самое резкое, на последнем слоге,

74

те на третьем или на четвертом слоге с конца, а у одного сказителя (Висарионова) слышалось иногда два удара на последних слогах рядом, и при этом на последнем более протяжное так что стих выходит какой-то особенно медленный узный. Анапестический размер соответствует тому, что Рыбников называет «торжественным» напевом, и встречается в весьма немногих былинах, а именно о Вольге, Микуле и Колыване. Тем же размером пелась вероятно и былина о детстве Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранивший эту былинку Щеголёнок, принадлежит к числу тех, которые отвыкли от соблюдения размера, и только отдельные стихи напоминали у него анапестический склад. Былины о Вольге и Микуле Селянине принадлежат к тем, которые меньше всех интересуют народ и мало поются даже теми, которые их еще помнят. Потому и размер, о котором я говорю, является везде более или менее разрушенным во внутреннем строении стиха. Вот примеры:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав и преставился;
Оставалось от него чадо милое,
Младый Вольга Святославович.
Стал Вольга он рости матереть,
Похотелось Вольги-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во синих морях,
Птицей соколом летать Вольги под оболока,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то все рыбушки в глубокие моря,
Улетали все птички за оболоки,
Убегали-то все звери за темны леса.
Стал Вольга он рости матереть
И сбирал соби дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцов без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых, и т. д.

Рябинин.

Или:

Во чистом поле съезжалось
Три сильных могучих богатырь
По имени первой Колыван-богатырь,
Другой Муромлян богатырь,
Третий Самсон богатырь.
Про между собою речи говорили,

75

Которая из нас будет больший брат?
Говорит Самсон богатырь:
— Кабы был столб в земли,
Кабы было кольцо в столбу
Я бы землю всю во круг повернул.
Говорит Муромлян богатырь:
— Я бы также повернул.
Говорит Колыван богатырь

— Я такожде мòг повернуть.
Господь всевышния творец
За ихнее похвалéниё
Дал им привидéние:
Куда у их было нáрчено в путь éхàть,
Лежит на пороги сѹмкà,
В таковой сумке сложен весь земныя грѹз.
Выскакиват со своего со дóбраго коня
Самсón богáтырь,
Хватает таковую сумкѹ,
Сумка с места не ворохнётся
Выходит Муромлян богáтырь
Со своего со дóбраго коня,
Хватает такову́ю сѹмкѹ,
По коленам в зéмлю усёл,
Сумка с места не ворохнётся.
Выходит Колыван богáтырь
Со своего со дóбраго коня,
Хватает такову́ю сѹмкѹ
По грудям в зéмлю сёл,
Сумка с места не ворохнётся.
С небес им глас прогласило:
— Сильнии могучии богáтыри!
Отстаньте прочь от таковыя сумки
Весь земныя груз в сумку слóжён.
Впредки не похваляйтесь
Всею землёю владéти,
Наблюдайте своё доброё,
Ездите по Руси,
Делайте защи́ту,
Сохраняйте Ру́сею от нéприятеля,
А хвастать по пустому не знайтè.

Алексей Висарионов.

Эти три размера: обыкновенный хореический, хореический с дактилем и анапестический, как я сказал, вмещают в себе весь

наш народный эпос; я разумею цикл былин, которые составляют наш народ, содержание эпических сказаний нашего Севера, так называемые киевские и новгородские былины и разные рапсодии, тоже называемые в народе былинами, в которых описываемыя события, так сказать безыменные (напр., про братьев-разбойников, про горе, про ревнивого мужа и т. д.). Но этим не ограничилось развитие великорусского эпоса, и в других его произведениях являются и другие размеры. Укажу на те, которые случилось встретить занесенными в Олонецкую губернию.

Во-первых, есть тип, сходный со вторым из приведенных размеров (хорей с дактилем), но отличающийся тем, что стихи состоят из меньшего числа стоп, 3-х или 4-х вместо обыкновенного 5- 6- и 7-стопного стиха. Таким размером поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановского и его большого быка.

А на стуле на бархате,
На златом на ременьчатом
Сидел тут царь Возвяг,
Возвяг сын Таврольевич,
Ен де суды рассу́живал
Все дела приговаривал
И князьев бояр пожаловал
Селами, поместьями,
Городам с пригородками.
И Хому дарил Токмоюⁱ
И Ерёму Новы́м-городом.
И Щелканушка дома не случилось,
И уехал Щелканушко
Ён во землю жидовскую,
Ён для чёртова прáвежу,
Ради дани и выходу.
Ен-де с поля по ко́лосу брал,
С улицы по курицы,
С мужика по пяти рублей,
У кого-де пяти рублей нет
У того он жеңу берет,
У кого как жеңы-то нет
И того самогò берет.

77

Как у Щелкана не выразишься,
Со двора вон не вырядишься.
Как приехал Щелканушко
Из земли из жидовские
Ко царю на широкий двор:
— Токо токо^j ты, царь Возвяг,
Царь Возвяг сын Таврольевич,
И ты суды рассу́живал,
Все дела приговаривал,
Всех князьев бояр жаловал
И селами и поместьями,
Городам с пригородками,
И Хому дарил Токмою
И Ерёму Новы́м-городом:

ⁱ т. е. Тотмою

^j Частица, сложенная из *то* и приставки *ко*, употребляется вместо *то* или *тут*.

Подари-тко Щелканушка,
Ты любимого зятюшка,
Мёня Тверию городом,
Мёня Тверию славною,
Мёня Тверию богатою,
Двумя братцами рóдными
И князьём благоверными,
И Борисом Борисовичем
И Митрием Борисовичем.
Говорит ему царь Возвяг:
— Ты любимое зятюшко,
Щелкан сын Дудентьевич!
Заколи-ка чада милаго,
Своего сына любимого,
Ты Гордея Щелкановича,
Нацеди-ко ты чашу́ руды
Токо чашу серёбряную,
Выпей ту чашу руды,
Стоючись перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврольевичем.
Токо взявши Щелканушко
Заколол чада милаго,
Своего сына́ любимого,
И Гордея Щелкановича,
Нацедил же ён чашу́ руды,
Токо чашу серёбряную
Выпил ту чашу руды,

78

Стоючись перед Звягой-царем,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарил его царь
Возвяг Его Тверию городом,
Его Тверию славною,
Его Тверью богатою,
Двумя братцами рóдными
И князьём благоверными,
И Борисом Борисовичем
И Митрием Борисовичем.
И поехал Щелканушко
И заехал Щелканушко
К родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
— Ты прощай, моя рóдна сестра
Токо Марья Дудентьевна!
— Ты прощай же, мой рóдной брат,
Уж пò роду рóдной брат,
По прозванью окаянной брат!
И кабы ти уехати

И назад не приехати
Кабы́ ти самому на ножи́ остыть
И на сабли на вострые!
И уехал Щелканушко
Еще сам головой вершил.

Матрена Меньшикова.

Во-вторых, существуют былины, ясно принадлежащие XVII. веку, которые сложены тем самым размером, как записанные для Ричарда Джемса песни времен Самозванцев. Это 5- и 6-стопный хорей (изредка по неправильности переходящий в ямб или дактиль) с хореическим же, а не дактилическим окончанием. Произведения, этим стихом сложенные, уже не суть собственно былины, а скорее должны быть названы историческими песнями. В них отсутствует героический характер. Когда же певец XVII века облакал события, хотя бы близкой ему эпохи, блеском чудесного, то он пел о них эпическим размером былин киевского и новгородского цикла. Сравните былины, в которых героем является Никита Романович со всеми атрибутами эпического богатыря, и исторические песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619 г., или нижеследующую былинку о царе Алексее

79

Михаиловиче, и вы увидите, что разница в размере совпадает с различием в самом тоне и так сказать освещении поэтического рассказа:

Посредё ли было московского царства,
Середí было российского государства,
Как у света у Архангела Михаила,
У Ивана у великого в соборе,
Зазвонили во большой во колокол,
Всех князей-бояр к обедне созывали,
Там служили святыи молебн.
Выходил нашá надежда государь-царь
Алексей сударь Михайлович московской,
Становился государь на рóвно место,
На все стороны он поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенела,
Зговорила нашá надежда государь-царь
Алексей сударь Михайлович московский:
— Ай же вы князья-бояра,
Пособите государю дума думать,
Дума думать государю, не продумать,
А отдать ли мне то город Смоленец, и т. д.

Иван Касьянов.

Тем же самым размером сложена и весьма распространенна былина о птицах и зверях:

А й отчего же зима да зачаласе,
А й красное лето состоялось?
Зачалася зима да от мороза,

А й красно лето от солнца,
А й богатая осень от лета.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица певича.
Садилась в зелену́ садочку.
А на тое на дерево калино,
Ай начала пети жупёти,
Всякими она-то ясакáми.
А и услышали русьския птичи,
Собиралися стады́ оны стадами,
Прилетали к зелено садочку,
А и садились птичи рядами,

80

В одно сторону да головами,
А начали пети, жупети,
Заморскую птицу пытати:
— Ай малая птица певича!
Скажи божью правду, не утайсе
Кто у вас за морем бóльший,
Кто за Дунаечким мёньший? и т. д.

Иван Фёпонов.

Наконец, я должен упомянуть и о третьем разряде былин, которые тоже слышатся на нашем Севере, хотя они очевидно занесены туда случайно, — о былинах поволожских или козацких. Нужно их послушать на месте и в большом числе, чтобы судить об их складе и размере. Сколько я мог заметить, они составляют переход от эпических к лирическим песням; это — единственные былины, которые поются с переливами голоса, с перехватом посреди стиха, с повторением слогов и слов, например:

Как сбирались казаки | — на кру́т бережок,
Ах доньски гребеньски | — запорожский,
Запорожски казаки | — и все были яицкии.
Ах атаман был у дон | — ских у ка́заков
Ой из тихаго Дону Ермак | — был Тимофеевич,
А есаул был у дон | — ских у казаков
Ах со Двины Оста | — фей Лаврентьевич.
Как садились казаки! — на легки стружки,
Ай на легки стружки | — сели на мелки па́возки,
Как грянули размахну | — ли вниз по Волги реки, и т. д.

Или:

Как во славном было го|роди во Ва́страка́ни
Проявился там дети|нушка незна́ем челове́к
Как незнаемой дети|нушка неведóмой отку́ль.
Баско шепетно по Ва|стракани погу́ливаёт.
У» он чггапам офице|рушкам не кла́няется,
Востраканскому губерна|тору челòм ему не бьёт.

А сапоженки на нож|ках шелком та́ченый,
Черна шляпа на кудрях| и перща́тки на руках,
А и свой тот вишневой кафтан | на одном плечи таска́л
И как персидской кушачек| во белы́х руках держал,
Как увидел молодца, губерна́тор скрыча́л:
— Вы сходите приведи |те удала́го молодца́!
Еще стал то губерна|тор е́го спрашивати́:

81

— А ты скажись, скажись-ко, дети|нушка незна́ем челове́к,
Из тиху Дону казак | аль каза́чей сын,
Аль ты с нашего крепкого го|рода из Ва́стракани?
Как проговорит дети|нушка незнаем челове́к:
— Из тиху-то я Дону не казак| не казачей сын,
Я не с вашего крепкого го|рода, а из Вастракани
Я со Камы-то со реки| Сеньки Ра́зина сын.
Посулился мой-то ба|тюшко завтра в го́сти к вам бы́ть,
Вы умеете-тко моего ба|тюшка корми́ть его пои́ть
Вы кормить его поить | и честно жа́ловати
Или наконец:
Ой росту житяся расплачется| наш прусско́й — наш прусско́й — наш
прусско́й король,
А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
А он глядел смотрел на свою укре|пушку на Берлин — на Берлин — город,
И на свою укрепушку| на Берлин да на Берлин — на Берлин — город.
— Ты ли то укрепа| моя ты укре — укре — пушка,
Ты мой Берлин| мой Берлин — мой Берлин — город!
А ты кому-то моя укре |пушка — доставала достава — ласе?
Доставаласе да достава|ласе моя укре — укре — пушка
Ой царю белому |ой царю — ой царю — белому
А как другому же генера|лушку Краснощо — Красношо — кову

и т.д.
Ивам Захаров.

Впрочем, в Олонецкой губернии все эти последние разряды песен составляют весьма редкое исключение в массе былин, сложенных то чистым хореем с дактилическим окончанием, то хореем, смешанным с дактилем. Прислушиваясь к этим былинам, записывая их с голоса сказителей, я вынес полное убеждение, что тоническое стопосложение в русском стихе не есть изобретенье Ломоносова, а есть изобретение самого русского народа, его коренное достояние. Если Ломоносов, под влиянием немецких образцов, применил тоническое стихосложение к нашей художественной поэзии, то руководился ли он собственно подражанием немцам? Нет, как он сам писал, первым и главнейшим его основанием было то, что «российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносов с таким верным чутьем с первого же раза угадал в стихе

82

природное языка нашего свойство, то кто знает, не слышался ли ему отзвук народных былин, конечно знакомых его уху: ибо и до сих пор помнят на Выгозере, что былины перешли туда с Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносов в своей «версификации» отводит почетное место так называемым им «тригласным» рифмам, т. е. дактилическим; а дактиль на конце стиха — этого конечно он не мог найти в своих немецких образцах.

* * *

Да извинит меня читатель за это отступление от своего намерения держаться исключительно круга фактических наблюдений и замечаний, не вдаваясь в область личных догадок и толкований. У нас до сих пор, к сожалению, толкование народного эпоса чересчур опережало и перевешивало его собиранье. Надеюсь, что меня не обвинят в этой области, если я в заключение моей длинной статьи представлю и с своей стороны маленькую догадку о происхождении одного из богатырей наших былин — Святогора. Всякий, конечно, чувствует, что это имя искусственное, навеянное сказанием о том, что Святогор, как поется во всех о нем былинах, жил на каких-то *Святых-горах*, всякий чувствует, что за этим именем скрывается что-либо другое. И вот один из лучших сказителей, слепой Иван Фепонов, пропел в былине о нашествии Батыги на Киев:

А по греху ли то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Киеве не случилось:
Святополк богатырь на *Святых* на горах,
А й молодой *Добрыня* во чистом поли,
А *Алешка Попович* в богомольной стороны,
А *Самсон* да *Илья* у синя у моря.

В этом месте другие сказители поют: «Святогор богатырь на Святых на горах». Я думал сперва, что ослышался или что Фепонов ошибся, и заставил его потому раз пять повторить эти стихи; но он все твердил свое: «Святополк богатырь на Святых на горах» — и уверил меня при этом, что так-мол поется. Мне сперва показалось это имя Святополка странным, а теперь

думаю, что оно имеет значение. Вспомним, что Святогор есть единственный богатырь, дружественный русским, но нерусский богатырь, который «не ездил на Святую Русь», а к которому, напротив, русские богатыри ездят на поклонение как к старшему и сильнейшему; вспомним, что он живет на горах, вспомним его таинственное исчезновение, — все эти черты получают смысл только в применении к Святополку великоморавскому, этому древнейшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже в рассказе Космы Пражского укрывается в горы и там кончается таинственной смертью.

Пусть читатель судит о степени вероятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будет весьма важна как звено, связывающее наш народный эпос с дремностью других славян.

А. Гильфердинг.

ДНЕВНИК^к
ПУТЕШЕСТВИЯ АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВИЧА ГИЛЬФЕРДИНГА
ИЮНЬ

20 — Петрозаводск, № 149.
29 — там же, № 150.
30 — там же, № 151.
« — Онего, №№ 163, 164, 166, 167.

ИЮЛЬ

1 — Горское, №№ 165, 168, 169.
3 — Леликово, №№ 91, 92, 93, 94, 95, 104, 105, 106, 110, 111.
4 — там же, №№ 96, 97, 107, 108, 109, 118, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143.
5 — Кижи, №№ 112, 120, 145.
6 — там же, №№ 75, 77, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 126.
7 — Дуткин-Наволоки в Кижях, №№ 73, 80, 87, 113, 114, 116, 117, 123.
8 — Кижи, №№ 74, 76, 78, 81, 83, 85, 88.
10 — Тамбица, №№ 40, 41, 42.
« — Типеница, №№ 43, 44.
11 — Толвуй, №№ 38, 39.
12 — там же, №№ 33, 34, 36, 37.
14 — Масельга, №№ 25, 26, 27, 28, 29.
« — Маткозеро, №№ 30, 31.
15 — Тайгеница, №№ 178, 179, 180, 181, 183, 184.
« — Выгозеро, №№ 190, 191, 192, 193, 194.
16 — там же, № 171.
« — Тайгеница, №№ 173, 174, 176, 177.
17 — там же, № 170, 172, 175, 186, 188, 189.
« — Данилово, №№ 185, 187.
19 — Чолмужи, №№ 32, 35, 157.
20 — там же, №№ 158, 159, 161, 162.
21 — дер. Рим на Пудожской Горе, № 6.
22 — там же, №№ 2, 5, 8, 10, 16, 17, 21.
23 — там же, №№ 7, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24.
24 — там же, №№ 1, 3, 4, 9, 13, 14, 15.
25 — Тайгеница, № 182.
26 — Марнаволоки, №№ 11, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54.
27 — там же, №№ 49, 51, 52.
28 — Шаль, №№ 55, 58, 59, 60, 61.
29 — там же, №№ 56, 57, 62, 66, 68.
31 — Пудож, №№ 63, 64, 65, 67.

^к Дневник этот составлен на основании дат, имеющих в конце каждой былины: число, местность в № былины. Только под девятью былинами (№№ 130, 144, 146, 147, 148, 152, 153, 154, 155) Гильфердинг позабыл поставить дату; но, судя по певцам, от которых они записаны, — должны быть отнесены к 30 июня и 5 июля. Кроме того, некоторые былины записаны в Петербурге от приезжавших к Гильфердингу рапсодов в сентябре (№№ 119, 122, 124, 125, 127, 128, 129), в октябре (№ 156) и в ноябре (№№ 79, 82, 84, 86, 90, 160).

АВГУСТ

- 1 — Сумозеро, № 70.
- 2 — там же, № 69.
- 4 — Куганаволок на Водлозере, №№ 71, 72.
- 5 — Водлозеро, №№ 212, 213,
- 6 — там же. №№ 206, 207. 208, 209, 216. 217, 218.
- 7 — Куганаволок, №№ 195, 196, 197. 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205.
214, 215.
- 8 — река Черева, № 210.
- « — Заволочье, № 211
- 10 — Кенозеро, №№ 226, 228, 230.
- 11 — дер. Немагова на Кенозере, №№ 220, 221, 223, 239,-240. 241, 242,
243, 244, 258.
- 12 — там же, №№ 219, 222, 224, 225, 254. 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264,
293, 294, 295.
- 13 — Кенозеро, №№ 245, 246, 247, 248, 257, 260.
- 14 — там же, №№ 227, 229, 231, 249, 250, 251, 273, 274, 275, 276, 286.
- 15 — там же, №№ 232, 233, 235, 252, 253. 270, 271, 272, 292.
- 16 — там же, №№ 234, 236, 237, 238.
- « — Кенозерский погост. №№ 277. 278, 279, 280.
- « — дер. Немагова, №№ 281, 282; 283, 287, 288, 289, 290, 291.
- 17 — Кенозеро, №№ 265, 266, 267, 268, 269, 284, 285. 296, 297, 298, 299,
300, 301.
- 18 — Ошевенск, №№ 302, 303.
- 23 — Моша, № 315.
- 24 — там же, №№ 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310. 313, 314. 3[^]8.
- 25 — там же, №№ 311, 312, 316, 317.

СПИСОК БЫЛИН ПО СОДЕРЖАНИЮ

- Авдотья Рязаночка № 260.
- Азова (взятие) № 37.
- Алеша Попович и Тугарин Змей № 99.
- Большой Бык (старина о нем) №№ 297, 303.
- Василий Буслаевич №№ 30, 44, 54, 103, 141, 259, 284. 286.
- Василий Игнатьевич и Батыга №№ 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.
- Вольга №№ 15, 91, 156.
- Вольга и Микула №№ 32, 45, 55, 73, 131, 195.
- Вольга и Щелкан № 254.
- Горе №№ 90, 177.
- Гришка Отрепьев №№ 14, 111, 143, 236.
- Данило Игнатьевич №№ 192, 278.
- Добрыня №№ 5, 132, 313.
- Добрыня и Алеша №№ 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107. 145, 149, 168,
187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 228, 290, 292. 306, 315.
- Добрыня и Василий Казимиров № 80.
- Добрыня и Змей №№ 59, 64, 79, 93, 123, 148. 157. 241, 289.
- Добрыня и Маринка №№ 17, 78. 122, 163. 227, 267, 288, 316.
- Добрыня в опале № 124.
- Добрыни (женитьба) № 194.
- Добрыни (отъезд) № 234.

- Дородовичи (братья) № 247.
Дунай №№ 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272.
Дюк №№ 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279.
Ермак № 202.
Земский Собор №№ 154, 161.
Иван Васильевич (грозный царь) №№ 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183,
201, 209, 244.
Иван Годинович №№ 51, 83, 179, 188, 275, 307.
Ивана Годиновича (женитьба) №№ 256, 293.
Иван Гостиный сын №№ 133, 135, 172.
Илья Муромец №№ 16, 210.
Ильи Муромца (первые подвиги) № 120.
Ильи Муромца (поездки)- №№ 190, 197, 216, 266.
Ильи Муромца (три поездки) №№ 221, 240, 271, 287, 291, 305.
Ильи Муромца (последняя поездка) № 58.
Илья в ссоре с Владимиром №№ 47, 76.
Илья Муромец в Цареграде №№ 220, 232.
Илья Муромец и дочь его № 77.
Илья Муромец и сын его №№ 46, 219, 226, 233, 246.
Илья Муромец и Алёша Дородович № 250.
Илья Муромец и голи кабацкие №№ 239, 249, 257, 281.
Илья Муромец и Идолище №№ 4, 22, 48, 106, 144, 178, 186, 196, 245.
Илья Муромец и Калин царь №№ 57, 69, 75, 92, 105, 121, 138, 170, 296,
304.
Илья Муромец и Сокольник № 114.
Илья Муромец и Соловей разбойник №№ 3, 56, 74, 104, 112, 171, 212, 274.
Казани (взятие) № 160.
Калика-богатырь №№ 101, 207.
Калик (сорок) №№ 72, 86, 96, 173, 301.
Карамышевский (князь) № 10.
Колыван-богатырь № 185.
Королевичи из Крякова №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302.
Кострюк №№ 24, 166, 193, 261, 310, 317.
Литовцев (наезд) №№ 12, 42, 61.
Любовника (два) №№ 31, 134, 285.
Микула Селявинович № 98.
Микула Селянинович и Иван Годинович № 255.
Михаиле, (князь) № 299.
Михайло Дородович № 252.
Михайло Потык №№ 6, 40, 52, 82, 150, 158.
Молодец и королевична Литовская № 184.
Млодец и королева №№ 155, 162, 263, 311, 314.
Молодец и река Смородина № 262.
Молодец и худая жена №№ 89, 97, 117.
Настасья Никулична № 113.
Небылица №№ 238, 295.
Невольное пострижение № 300.
Непра и Дон № 50.
Петербургская старина № 312.
Петр (император) № 95.
Прусский король № 205.
Птицы №№ 130, 264, 280, 298.
Птицы и Звери №№ 62, 137.

Петух и Лисица № 29.
Разбойники (братья) и сестра №№ 28, 167, 176, 248, 294.
Рахта Рагнозерский №11.
Ревнивый муж № 253.
Садко №№ 70, 146, 174.
Садко, Вольга и Микула № 2.
Святогор №№ 1, 265, 270, 273.
Святогор и Добрыня № 118.
Святогор и Садко № 119.
Скопин № 88.
Событие 1830-х годов № 318.
Соловей Будимирович №№ 36, 53, 68. 199, 208.
Ставер №№ 7, 21, 109, 140, 151. 169.
Стенька Разин №№ 203, 276.
Сухман № 63.
Хотен Блудович №№ 19, 84. 126, 164. 277, 282, 308.
Чуряло №№ 27, 35, 127.
Чурилы (молодость) №№ 223, 229, 251.
Чурилы (смерть) №№ 8, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309.
Шведская война №№ 204, 237.
Щелкан Дудентьевич №№ 235, 269, 283.

СПИСОК СКАЗИТЕЛЕЙ И СКАЗИТЕЛЬНИЦ, ПЕВШИХ А.Ф.
ГИЛЬФЕРДИНГУ БЫЛИНЫ (СТАРИНКИ)

Аксенов Василий, Киж, XXIII. №№ 131-134.
Андреева Ирина, Кенозеро, LX, №№ 293 — 295.
Антонов Потап Трофимович, Пудога, XIV, №№ 63 — 68.
Антонов Тимофей, Толвуй, XI, №№ 43 — 44.
Батов Алексей Висарионов, Выгозеро, XXXIII, №№ 185 — 189.
Воинов Петр Андреевич, Кенозеро, XLIV, №№ 226 — 231.
Георгиевская Авдотья Васильевна, Кенозеро, LIV, №№ 277 — 280.
Гришин Иван Артемьевич, Толвуй, VIII, №№ 32 — 37.
Гурьбин Иван Александрович, Кенозеро, LII, №№ 270 — 272.
Гусев Андрей Тимофеевич, Кенозеро, LVIII. №№ 287 — 290.
Гусев Иван Яковлевич, Ладога (Петербург, губ.), LXXIII. №№ 319 — 322.
Гусев Харлам Андреевич, Кенозеро, LIX, №№ 291 — 292.
Дутяков Николай Филиппов, Киж, XXVI, №№ 144 — 147.
Дьяков Александр, Киж, XX, № 112.
Елисеев Иван. Вмгозеро, XXXV, № 194.
Еремеев Иев, Кижн, XXIX, №№ 163 — 167.
Завал Ефим Яковлевич, Кенозеро, LXV, №№ 302 — 303.
Захаров Иван Григорьевич, Водлозеро, XXXVI, №№ 195 — 205.
Захаров Федор, Выгозеро, XXXII, №№ 178 — 184.
Иевлев Терентий, Киж, XVIII, №№ 98 — 103.
Калинин Петр Лукич, Повенец, I, №№ 1 — 14.
Калитина Ирина Денисовна, Кенозеро, XLV, №№ 232 — 238.
Касьянов Иван Аникиевич. Киж, XXVIII, №№ 156 — 162.
Койбин Степан, Повенец, V, № 25.
Кононова Домна Дмитриевна, Повенец, III, № 21.
Корнилов Семен, Киж, XXI, №№ 113-117.
Корсаков Федор Александрович, Повенец, IV, №№ 22 — 24.
Костин Александр Давыдов, Кенозеро, XLVII, №№ 245 — 248.

- Котова Марфа Трофимовна, Повенец, VI, №№ 26 — 29.
Кропачев (Лядков) Ивав Михайлович, Кенозеро, L, №№ 254 — 264.
Кукшинов Николай Иванов, Кенозеро, XLVIII, №№ 249 — 251.
Курников Иван Иванович, Моша, LXX, № 317.
Лоскутова Марья Семеновна, Кенозеро, LVI, №№ 284 — 285.
Лоскутов Федор Никифорович, Кенозеро, LXIV, № 301.
Лисица Елена Алексеевна, Выгозеро, XXXIV, №№ 190 — 193.
Лядков — см. Кропачев.
Макарова и Пастухова, Кижы, XXX, №№ 168 — 169.
Максимова Варвара Ивановна, Кенозеро, LXIII, №№ 299 — 300.
Максимов Андрей Ильич, Кенозеро, LXII, № 298.
Максимов Степан Ильич, Кенозеро, LXI, №№ 296 — 297.
Макушкин Андрей Федорович, Моша, LXVIII, № 315.
Малыгин Петр Саватьевич, Моша, LXIX, № 316.
Ментиков Петр Яковлевич, Кенозеро, LII, №№ 273 — 276.
Меньшикова Матрена Григорьевна, Кенозеро, L.V, №№ 281 — 283.
Неклюдина Степанида Кононовна, Кижы, XXIV, №№ 135 — 137.
Нигозёркин Матвей Федорович, Водлозеро, XLII, №№ 216 — 218.
Никитин Федор, Выгозеро, XXXI, №№ 170 — 177.
Панов Савелий Кузьмич, Водлозеро, XXXVIII, №№ 210 — 211.
Пастухова — см. Макарова.
Петрикеев Филипп Васильевич, Кенозеро, XL.IX, №№ 252 — 253.
Петров Алексей, Водлозеро, XL, № 214.
Попова Настасья Афанасьевна, Повенец, VII, №№ 30 — 31.
Поромской — см. Сивцев И. П.
Прохоров Никифор, Пудога, XII, №№ 45 — 54.
Прохоров Петр, Толвуй, X, №№ 40 — 42.
Романов Кузьма Иванович, Кижы, XVII, №№ 91 — 97.
Рябинин Трофим Григорьевич, Кижы, XVI, №№ 73 — 90.
Сарафанов Андрей Васильевич, Кижы, XIX, №№ 104 — 111.
Сивцев (Поромской) Иван Павлович, Кенозеро, XLIII, №№ 219 — 225.
Сивцев Тимофей Михайлович, Моша, LXXI, № 318.
Сорокин Андрей Пантелеевич, Пудога, XV, №№ 69 — 72.
Сурикова Домна Васильевна, Кижы, XXV, №№ 138 — 143.
Суханов Василий Алексеевич, Водлозеро, XL.I, № 215.
Суханов Трофим Иванович, Водлозеро, XXXVII, №№ 206 — 209.
Тимофеев Андрей, Толвуй, IX, №№ 38 — 39.
Третьяков Игнатий Григорьевич, Кенозеро, LI, №№ 265 — 269.
Тряпицын Михаиле Иванов, Кенозеро, XLVI, №№ 239 — 244.
Фепонов Иван, Пудога, XIII, №№ 55 — 62.
Федулов Павел Антонович, Водлозеро, XXXIX, №№ 212 — 213.
Фомина Акси́нья Кузми́ишна, Повенец, II, №№ 15 — 20.
Чуков Абрам Евтихий, Кижы, XXVII, №№ 148 — 155.
Швецов Николай Михайлович, Моша, LXVI, №№ 304 — 312.
Шуманов Федор Григорьевич, Кенозеро, LVII, № 286.
Щеголёнок Василий Петрович, Кижы, XXII, №№ 118 — 130.
Юрьев Антон Степанович, Моша, LXVII, № 313 — 314.